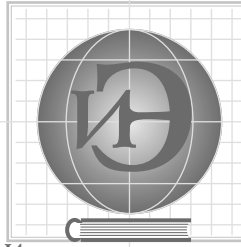

Российская академия наук

Институт экономики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

**ФРОНТОВИКИ – УЧЕНЫЕ.
К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Москва
2015

ББК 65.02

Ф 91

Фронтовики-ученые. К 70-летию Великой Победы / Отв. ред.
И.И. Орлик; сост. Т.В. Соколова. М.: Институт экономики РАН. – 2015. – 166 с.

ISBN 978-5-9940-0520-0

Ф 91

В сборнике помещены очерки о фронтовых путях и послевоенной жизни, многолетней научной деятельности восьми известных российских ученых. Это лишь небольшая группа из многих бывших фронтовиков, которые после войны стали научными работниками, исследователями экономических и социально-политических проблем современного мира и, прежде всего, нашей страны.

Жизненный подвиг фронтовиков-ученых является примером служения своей Родине для новых поколений людей XXI века.

Книга приурочена к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Научно-вспомогательную работу провела Л.Е. Перевезенцева

ISBN 978-5-9940-0520-0

ББК 65.02

© Институт экономики РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Валериус В. Е., дизайн, 2007

Содержание

С праздником Победы! (С.П. Глинкина).....	7
АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ БУТЕНКО. Философ, политолог, участник Великой Отечественной войны (Фокина Л.В.).....	11
АЛЕКСАНДР НАУМОВИЧ БЫКОВ. Фронтовые дороги и путь в науке	27
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ДАШИЧЕВ. Подводя жизненные итоги.....	45
ЛЕОН ЗАЛМАНОВИЧ ЗЕВИН. Путь в армии и в науке (Орлик И.И., Стрелетова М.П.)..	77
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КАПУСТИН. Видный ученый-экономист (Маслова И.С.).....	87
ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ НЕСТЕРОВ. Дороги войны и мира российского солдата Второй мировой.....	105

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ОРЛИК.

Партизан, фронтовик, профессор

(Глинкина С.П. Стрелетова М.П.)..... 117**ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ШАСТИТКО.**

Человек, воин, ученый, руководитель

(Некителов А.Д., Косикова Л.С., Стрелетова М.П.)..... 137**Почему мы помним...***(Гусева М.Б., Медведев Г.Б.)*..... 151**Память о войне***(Орлик И.И.)* 157

С.П. Глинкина

*С праздником
Победы!*

Мир празднует 70-летие Великой Победы над фашизмом. Отмечаем его и мы — Институт экономики Российской академии наук. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящаем мы сборник очерков о фронтовых путях и послевоенной жизни, многолетней научной деятельности, к сожалению, лишь восьми наших ныне здравствующих и уже ушедших коллег — известных российских ученых. Не все фронтовики, с кем посчастливилось работать, оставили письменные воспоминания, но мы помним их блестящие рассказы об освобождении Украины, Белграда и Праги, о взятии Будапешта и Берлина, о штурме Рейхстага и буднях подполья. Помним все и помним всех.

По-разному сложились фронтовые судьбы наших коллег. О каждом можно было бы написать тома. Каждый герой, хотя таковым, как правило, себя не считал. Может потому, что всегда ощущал себя частью целого, частью Поколения, о котором и друзья и враги говорят: «Такого уже не будет».

Защитив Родину в страшную годину войны, они, несмотря на нередко различия политических взглядов, всегда оставались настоящими патриотами нашей страны. До хрипоты спорили и между собой, и с нами о том, что для страны

будет лучше, куда идти и что делать. Они могли ошибаться, но никогда не могли быть равнодушными.

Ученых-ветеранов всегда отличала удивительная человеческая порядочность, нравственная чистота, верность идеалам науки, трепетное отношение к такой важнейшей категории как научная этика, без которой в нашем деле все вообще теряет смысл. И поэтому с ними рядом было неуютно тем, кто забежал в Храм Науки лишь за дипломом или должностью, тем более что нравственный авторитет ветерана давал преимущества перед любыми другими чинами и званиями. Это особенно ценишь сейчас, когда вдруг в нашей жизни столь важными стали различного рода компромиссы, «рациональное поведение», «гибкость». Поколение фронтовиков было иным. Согнуть и продавить их было практически невозможно. Белое они всегда называли белым и могли не подать руки подлецу. До хрипоты спорили на партийных собраниях и ученых советах. Им было что отстаивать. И бились они даже не за каждое слово, а за каждую запятую также самоотверженно, как когда-то за безымянную высоту.

Они умели и брали на себя ответственность за людей, за решение их не только профессиональных, но и просто человеческих проблем. С ними было всегда тепло, надежно, не страшно «идти в разведку».

Еще много можно было бы сказать о коллективном портрете этого поколения, чья маршевая колонна уже почти скрылась за поворотом вечности. Тем дороже для нас возможность общения с немногими ныне живущими и память об ушедших. Трудно найти те единственно правильные и отражающие всю глубину нашей признательности слова тем, кто победил в 45-м, спас мир от фашизма, а нам, родившимся после войны, дал право на жизнь и подарил долгие десятилетия мира.

Сохранить память об их подвиге, не дать фальсифицировать историю, отстоять честь и достоинство нашего народа — не простая в нынешние времена задача. Тем ценнее живые свидетельства времени, воспоминания наших коллег-фронтовиков, помещенные в данном сборнике.

Фокина А.В.

АНАТОЛИЙ
ПАВЛОВИЧ
БУТЕНКО.

Философ, политолог,
участник Великой
Отечественной
войны

Анатолий Павлович Бутенко родился в украинской семье в городе Гадяче Полтавской области 19 апреля 1923 года. Так записано в документах. В действительности же он родился двумя годами позже — в 1925 году. Это расхождение возникло не случайно и не по чьей-то ошибке. В апреле 1941 года Анатолию исполнилось шестнадцать лет, а когда началась война, как и многие его сверстники, он рвался на фронт. Воспользовавшись тем, что его метрика оказалась утерянной в результате многих переездов семьи (Гадяч — Харьков — Турткуль — Нукус), Анатолий пошел в военкомат, написал заявление об отправке на фронт. Юношу направили в диспансер на освидетельствование для установления возраста. Отвечая на вопрос медицинской комиссии о дате рождения, он сказал, что родился 19 апреля 1923 года. Так комиссия и определила, а Анатолий получил документ с неверной датой рождения, которая и стала официальной. Желание подростка сбылось, он попал в число призывников на фронт. Но об этом чуть позже.

Все детство Анатолия Павловича прошло в учительской семье на Украине в тяжелый период конца 20-х — начала 30-х годов, то есть в условиях становления и утверждения

Сталинского тоталитаризма и голодомора на украинской земле. Анатолия и его старшего брата, уже опухавших от голода, спасли бесплатные школьные завтраки, ведь мама была учительницей. Затем было бегство всей семьи из Харькова, где, прячась от голода, они жили у родственников матери. В середине 30-х годов семья переезжает в Среднюю Азию, в Каракалпакию, в город Турткуль.

В Турткуле Анатолий Павлович продолжил учебу уже в русской школе. Блестящий преподаватель русского языка и литературы из Москвы Н.А. Крайнов заметил и серьезно отнесся к литературным способностям Анатолия Бутенко, сочинявшего стихи.

Вернемся в июнь 1941 года. Когда после освидетельствования на комиссии школьник Толя Бутенко принес домой новую метрику и показал ее маме, она заплакала, потому что поняла: еще до окончания десятилетки ее второй сын (старший уже воевал с белофиннами, учился на летчика-истребителя) будет призван в армию. Аттестат об окончании школы Анатолию все же был выдан на основе отличных результатов в учебе.

Вместе с другими вчерашними школьниками Анатолия Бутенко мобилизовали: катером довели до города Чарджоу — ближайшей железнодорожной станции, оттуда в Наманган, в Харьковское пехотное училище. Все понимали, что выучиться на офицеров им не придется — пошлют на фронт.

В начале 1942 года А.П. Бутенко принимает участие в тяжелейших боях под Можайском, у Юхнова, потом под Великими Луками и Ржевом. Воевал он в 19-й стрелковой дивизии 315-го стрелкового полка, в роте автоматчиков, хотя сразу автомата ему не дали. Поскольку он учился в офицерском училище, в его обязанности входило каждое утро быть у командиров всех трех батальонов, устно дублировать телефонную связь, информируя командира полка.

И тут обнаружилось, что он, приехавший из пустынной Средней Азии, плохо ориентируется в лесах центральной России. К тому же случилась беда — Анатолий заболел куриной

слепотой. Боясь, что его заменят, он не доложил начальству о своей болезни, приспособился ходить по батальонам, держась за телефонные провода. Это выручало и при куриной слепоте, и при плохой ориентации в лесу. Однако провода были натянуты не только над землей, но и над ручьями, речушками, через которые приходилось, почти ничего не видя, лезть в кирзовых сапогах с дырками, в промокшей одежде.

Так катились месяцы войны, совсем непохожие друг на друга. Под Ржевом, попав в засаду, почти весь полк, в котором воевал А.П. Бутенко, был уничтожен. Те, кто уцелел, были отправлены к Великим Лукам. Там полк ждало пополнение, и только там Анатолий впервые получил автомат.

Во время войны Анатолий Павлович стал публиковать свои фронтовые лирические стихи в дивизионной газете «Доблесть» и других фронтовых газетах. Вот одно из стихотворений, опубликованное в 1942 году.

ПУТЬ ЛЮБВИ МОЕЙ

Тихо. Ночь глубокая
Стынет в тишине.
Милая, далекая,
Вспомни обо мне!
 Вспомни встречи прежние,
 Девушка моя,
 Грустные и нежные
 Трели соловья,
Тех ночей мгновения,
Ласку моих слов,
Встречи незабвенные
В тишине садов...
 Снова ночь, и кажется,
 Тихо все кругом,
 Но порой прокатится
 Орудийный гром.

Где-то эхо плавное
Загудит в ответ,
И вдали над плавнями
Вспыхнет цепь ракет.
 И вся ночь утрюмая
 Солнца ждет со мной.
 Я об утрате думаю —
 Завтра снова в бой.
В дни, когда атаками
Отбивал врагов,
За поля с оврагами
Проливая кровь,
 Я продумал пройденный
 Путь любви моей,
 И в стократ мне Родина
 Сделалась милей.

Однажды в середине марта 1942 года Анатолий Бутенко получил уведомление из редакции Московского радио о том, что его стихотворение «Матери солдата» было передано в эфире. Вот текст этого стихотворения, написанного семнадцатилетним юношей.

МАТЕРИ СОЛДАТА

Далеко, далеко, на солнечном юге
Есть маленький город, как сотни других.
Но часто о нем, как об искреннем друге,
Мечтаю я в думах заветных своих.
Там есть один дом, и он всех дороже:
Осталась в нем милая, добрая мать.
Там тихо, но часто тревожат
Ее свои мысли, и их не унять!
Ей часто не спится, и ночью глубокой
То грезится боя жестокого гром,
То будто доносится шепот далекий

Любимого сына, сраженного в нем.
Но если сын струсит, она не заплачет,
А, прокляв, навеки забудет его:
Предатель не сын ей, и думать иначе
Ее не заставит потом ничего!
А если ты в битве был храбр и отважен,
Тебя будут с честью повсюду встречать:
«Спасибо», — Отчизна родимая скажет,
И крепко обнимет любимая мать!

Весной 1943 года военная судьба забросила Анатолия Бутенко с Центрального фронта на Юго-Западный, в родной Харьков. Воинский эшелон высадил пехотные полки в Чугуеве. Пока продвигались по шоссе Чугуев — Харьков, слышали со всех сторон рокот артиллерии, но не подозревали, что «очухавшиеся» после Сталинграда немцы клиньями обходили Харьков, окружая восьмидесятитысячную армию, желая отплатить за Сталинград.

Во время войны А.П. Бутенко только один раз был в окружении — под Харьковом, причем ситуация менялась так стремительно, что его часть за одну ночь попала во вражеское кольцо и вышла из него. Но воспоминание о переживаниях солдата, оказавшегося в немецком окружении: о страхе, что вот-вот плен, об ужасе от того, что будет потом, навсегда сохранились в его душе.

После форсирования Днепра свои яркие впечатления и любовь к родной Украине старший сержант А. Бутенко выразил в прекрасном стихотворении «Днепр», которое газета «Доблесть» опубликовала 8 октября 1943 года.

ДНЕПР

Ранним утром в серой мгле тумана
В первый раз увидел я тебя.
Ты шумел и бился беспрестанно,
Звал к себе заманчиво меня.

Я давно мечтал о встрече этой,
С детских лет ты снился часто мне.
Встретиться хотелось мирным летом,
А пришлось увидеть на войне.
В дни войны, когда ты был не с нами,
Каждый воин думал о тебе,
И сражался яростно с врагами,
Чтобы быть скорее на Днестре.
Вот шумишь ты, гордый, непокорный,
Ты нас ждал — и мы пришли назад,
Стаи волн, высоких и проворных,
У песка прибрежного шумят.
Бой гремит. Кипит вода седая,
В брызгах взрывов радуга встает,
Украина — мать моя родная!
Днепр вперед на Запад нас зовет!

После выхода из окружения А.П. Бутенко участвовал в жестоких боях на Корсунь—Шевченковской дуге, затем был направлен на сборный пункт для отправки в Среднюю Азию в город Чирчик на учебу в авиационное училище (ТВАШ). А перед отправкой в училище старший сержант А. Бутенко на фронте встретил новогоднюю ночь 1944 года и посвятил этому событию стихотворение, которое было опубликовано в газете «Доблесть» уже 3 января.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Глухая ночь!.. Она последняя, как будто
Таких ночей уже не будет, нет!
Садись поближе, друг! И перечтем минуты,
Чтоб еще год списать в счета минувших лет.
Что пожелать тебе? Ведь счастья не подаришь,
Но пусть оно хранит нам жизнь твою,
Чтоб падали враги, где ты пройдешь, товарищ,
И был здоров бы ты в походах и в бою!

Чтоб с Новым Годом нам — пусть враг хрипит и злится —
Пройти Украину! Свободы встретить час!
Пройти вперед, мой друг, под арками границы
Похоронить войну в местах, где родилась!
 Чтоб слышать нам с тобой, как станет тихо снова,
 Смирятся танки, пушки замолчат,
 Наступит прочный мир без слез, смертей и крови,
 Чтоб вновь увидеть нам невест, отцов, внучат.
Звенят часы. Считай, двенадцать раз, как будто.
На славу новую нас Родина зовет!
Сожми винтовку, друг! И перечтем минуты,
Чтоб в бой идти смелей, чем в прошлый год.

В авиационном училище в Чирчике Анатолий Бутенко учился с марта 1944 по май 1945 года, там 9 мая встретил Победу. Учеба еще не закончилась, но А.П. Бутенко был отправлен на войну с Японией. Однако доехал он только до Красноярска и был оставлен для учебы в эвакуированном туда Харьковском авиационном училище. В апреле 1946 года, не окончив училища, он демобилизовался и поступил на работу в газету «Красноярский рабочий».

Осенью 1946 года А.П. Бутенко, получив в газете «Красноярский рабочий» две необходимые рекомендации от членов Союза писателей и наивно веря в свои литературные способности, поскольку уже многократно публиковал стихи в газете, приехал в Москву, чтобы поступить в Литературный институт. Но, по счастью, как считал Анатолий Павлович, туда его не приняли. Тогда он решил поступать в МГУ на филологический факультет. Но прием на этот факультет был уже закончен. И после бесстрашного похода из приемной комиссии МГУ к министру высшего образования, к ректору МГУ и декану философского факультета, А. Бутенко как фронтовик, к тому же имеющий школьный аттестат с отличием, был зачислен студентом на философский факультет.

Московский государственный университет Анатолий Павлович окончил с красным дипломом и был оставлен в аспирантуре. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук была посвящена «Перерастанию демократических революций в социалистические в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Защита состоялась в начале лета 1953 года, вскоре после смерти И.В. Сталина. Именно в это время и вступил молодой ученый на самостоятельный научно-преподавательский путь. Оставленный по государственному распределению на философском факультете МГУ, он с сентября 1953 года преподавал философию сначала на заочном отделении, позже преподавал эту дисциплину экономистам, психологам, математикам и физикам.

Политические события, сотрясавшие философский факультет в 1955–1956 годы, чуть не сломали его преподавательскую карьеру. Обнаружив явные признаки готовящегося увольнения, А.П. Бутенко в 1958 году переходит на постоянную работу в качестве заместителя главного редактора философского отдела журнала «Коммунист». Однако Анатолий Павлович окончательно с МГУ не порвал. В 1964 году после защиты в Институте философии АН СССР докторской диссертации на тему «Философские проблемы идейной борьбы в коммунистическом движении» он был приглашен в МГУ на преподавательскую работу (по совместительству) и вплоть до 1999 года продолжал читать лекции и вести семинары в Институте повышения квалификации преподавателей общественных дисциплин (ИППК) при МГУ на кафедре политологии и социологии.

Хотя научными проблемами А.П. Бутенко занимался со студенческих лет, действительно, научная жизнь для него связана с работой в академическом институте. В 1964 году Анатолий Павлович ушел из журналистики, начав работать заведующим отделом политических и идеологических проблем в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, позже переименованном (после распада мировой социалистической системы) в Институт международных экономических и политических исследований РАН.

Избрав для себя путь ученого, Анатолий Павлович всю свою дальнейшую жизнь посвятил не абстрактным проблемам «чистой» философии, различным аспектам обществоведения, а постоянному поиску ответа на следующие теоретические вопросы: кто мы, откуда мы идем и к чему стремимся?

Основные направления исследований связаны с разработкой теории противоречий и конфликтов, теории революции и государства, социальной справедливости, посвящены проблемам прогресса и регресса, экономического кризиса и социально-экономического тупика, вопросам расстановки и борьбы общественно-политических сил, критике буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий, а также проблемам политологии.

Основа мировоззрения А.П. Бутенко – социализм, но ученый никогда не был догматическим приверженцем социалистической идеи. На протяжении всей своей научной деятельности, в научных поисках, он учитывал изменения, происходившие в жизни страны и мира.

Главной в кругу научных интересов А.П. Бутенко была проблема экономической неразвитости и социализма. Он разработал концепцию принципиального разграничения законов социализма как общественного строя и как мировой системы. Результаты теоретических исследований этих проблем нашли отражение как в авторских монографиях «Социализм как общественный строй» (1974) и «Социализм как мировая система» (1984), в многочисленных статьях в научных журналах и периодической печати, так и в коллективных монографиях возглавляемого им отдела в ИЭМСС АН СССР. Под редакцией А.П. Бутенко в издательстве «Наука» вышли монографии «Мировая социалистическая система и антикоммунизм» (1968), «Социализм и международные отношения» (1974), брошюры «Две мировые системы, закономерности и тенденции их развития», «Социалистическая интеграция, ее сущность и перспективы». В этих работах по-новому решен вопрос о закономерностях и противоречиях мировой системы социализма, о связи и различии интер-

национализации производства и экономической интеграции, о структуре национально-государственных и интернациональных интересов стран, о соотношении национального суверенитета и интеграции, о принципах международных отношений нового типа и развитии содержания пролетарского интернационализма.

При разработке теоретических проблем социализма А.П. Бутенко пришел к выводу, что официальный марксизм-ленинизм, господствовавший во всем социалистическом мире, — это вовсе не научно систематизированная совокупность взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, а особый идеологический продукт, слепленный по определенной логике И. Сталиным и его окружением для обоснования узурпации власти и управления собственностью во имя господства партийно-государственной бюрократии, номенклатуры. Изучение этого «продукта» сталинизма имело ключевое значение для понимания того, как строительство социализма переродилось в утверждение казарменного псевдосоциализма — разновидности тоталитаризма.

Важным вкладом в общую теорию социалистического строительства является разработка А.П. Бутенко проблемы выделения этапов социализма, концепции развитого социализма, социальной справедливости и равенства, теоретических проблем перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. Особо важное значение имела разработка общих вопросов политического развития, понимания деформаций социализма, политических и экономических кризисов, общественно-политических конфликтов в странах социализма, их сущности, причин и путей их предотвращения.

В его исследованиях проводится анализ противоречий социализма (реального социализма как общественного строя и возможности превращения неантагонистических противоречий в антагонистические). Вместе с тем А.П. Бутенко опубликовал и работы о ликвидации эксплуатации человека человеком путем минимизации прибавочного продукта, присваиваемого эксплуататором.

За идеи о наличии антагонистических противоречий в реальном социализме профессор А.П. Бутенко был подвергнут критике в средствах массовой информации и уволен с преподавательской работы. В своих научных трудах он отстаивал тезис о возникновении государства до частной собственности и классов, об ошибочности отождествления социализма с ликвидацией частной собственности, показав различия между эксплуатацией — присвоением прибавочного продукта и угнетением — присвоением чужой воли.

Значительное место в исследованиях профессора А.П. Бутенко занимают исторические работы, посвященные теории перерождения власти усилиями И. Сталина в левацкий тоталитаризм и роли партийно-государственной бюрократии в этом.

Решительно отстаивая свои взгляды, решая острые проблемы в условиях тоталитарного строя, А.П. Бутенко неоднократно «вызывал на себя огонь» со стороны властей, которые считали его «ревизионистом». Ученый полагает, что наше общество, утратив механизмы прогресса, оказалось в социально-экономическом тупике, непониманием чего объясняются неудачи реформаторов.

Научный поиск исследователя связан и с изучением проблемы исторического забегания, попыток построить социализм там, где для этого нет еще необходимых условий, с рассмотрением сопряженного с этим термидорианского перерождения революционной власти в левацкий тоталитаризм (как это было при И. Сталине), с разработкой возможных мер, противодействующих такому развитию.

Работая над проблемой экономической неразвитости, А.П. Бутенко пришел к выводу, что действительный социализм становится возможным и неизбежным только в условиях перехода доминирующей роли в созидании богатства от труда в его непосредственной форме к науке как к производительной силе. С учетом этого можно разумно объяснить все случившееся в XX столетии: развал преждевременно появившегося «реального социализма», процессы, происходящие в развитых капиталистических странах, а также процессы,

развертывающиеся, с одной стороны, в КНДР и на Кубе, а с другой — в Китае и во Вьетнаме. Изучение этих проблем позволило А.П. Бутенко прийти к следующим выводам:

- историческое забегание при экономической неразвитости неизбежно;
- социализм невозможен при неразвитой экономике;
- командно-административная нерыночная экономика — естественно-исторический результат «социалистических» преобразований неразвитой экономики;
- рыночная экономика, частная собственность и эксплуатация необходимы.

Обоснование всех этих выводов содержится в монографическом исследовании «Неравномерность развития и историческое забегание. Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама» (2000).

Доказывая неизбежность исторического забегания при экономической неразвитости, А.П. Бутенко отмечает: один из крупных недостатков марксизма состоит в том, что, учитывая глубину и сложность общественного перелома при переходе от эксплуататорского общества к действительному социализму, ни Маркс, ни Ленин не сформулировали и не объяснили в качестве общественной закономерности те повторяющиеся провалы в реализации социализма, которые характеризуют XX столетие.

Отстаивая тезис о невозможности социализма при неразвитой экономике, ученый подчеркивает, что логика развития общественных отношений в условиях экономической отсталости с неизбежностью ведет процесс перерождения и вырождения строящегося нового общества в сторону казарменного псевдосоциализма с его административно-командной нерыночной экономикой.

Существуют две главные причины, обуславливающие именно такой результат. Во-первых, объективно невысокий уровень экономического развития, недостаточный для социализма, как раз и делает невозможным действительный социализм. Необходимость высвободить огромные материальные

ресурсы для «защиты завоеваний» от врагов, для быстрого преодоления экономической отсталости посредством ускоренной индустриализации, а также для того, чтобы содержать быстро растущего паразита — *номенклатуру*, вынуждает до предела сокращать индивидуальное потребление большинства граждан, оплачивая рабочую силу ниже ее стоимости, что противоречит социалистическому лозунгу «Оплата по труду».

Во-вторых, такая субъективно-ошибочная, неизбежно левацкая идеология, нацеленная на использование силовых средств в достижении того, чего не достичь «хилыми» экономическими методами, общая необходимость называть совершаемое «строительством социализма» придает подобным экспериментам квазисоциалистический характер. Страшные трудности в изолированной и отсталой стране в сочетании с лживой политикой руководства, которая тоже отражает давление отсталости и изолированности, ведут к тому, что *бюрократия* обворовывает пролетариат политически, чтобы своими методами сохранить его социальные завоевания в качестве гарантии своего господства.

Говоря о первоначальной логике развития подобной отсталой страны, ставшей на путь социалистической ориентации, А.П. Бутенко делает вывод, что формой экономического развития такой страны должна быть экономика, сохраняющая рыночный характер, но ориентируемая народным государством на реализацию *социальной справедливости для большинства граждан*. В более приближенном к практике выражении это по своему типу, в сущности, — нэповская политика. Ведь именно так предполагалось вести экономически неразвитую Россию к социализму. Однако социально-ориентированная рыночная экономика, или курс на рыночный социализм времен НЭПа, давший впечатляющие результаты, был отвергнут И. Сталиным, что и привело «реальный социализм» в СССР и других странах Европы к тем плачевным результатам, свидетелем которых стал XX век.

В одной из последних фундаментальных работ — монографии «О скрытых формах изменения социальной природы

власти» (2004) А.П. Бутенко показывает, что научная история ни одной страны не мыслима без точного раскрытия того, какие общественно-политические силы на соответствующем отрезке истории определяли развитие государства, осуществляли в нем те перемены, которые и составили суть происходящего. Рассматривая с этих позиций последние события в России и в других странах СНГ, ученый раскрывает главный недостаток в понимании ситуации, сложившейся в «постсоциалистическом» мире: доминирующей тенденцией развития этого мира является отсутствие адекватной оценки уже произошедшей здесь трансформации политической власти, а также социально-классовой природы функционирующей здесь власти и ее нынешних целей.

В этой работе А.П. Бутенко критически оценивает деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, который, провозгласив главным направлением развития экономики страны ее ускорение, на деле отступил от решения партии и начал не только перестройку экономики, но одновременно затеял и преобразования политической системы. Отсюда, по мнению А.П. Бутенко, вытекает ответ на вопрос «Почему социализм в России погиб, а в Китае выжил?»

А.П. Бутенко, проработавший много лет на педагогическом поприще, внес существенный вклад в дело воспитания молодежи, в подготовку научно-педагогических кадров. Под его руководством были успешно защищены 5 докторских и несколько десятков кандидатских диссертаций. Он воспитал много способных научных сотрудников, что дает основание говорить о научной школе профессора А.П. Бутенко.

В научном коллективе ИМЭПИ РАН, где трудился Анатолий Павлович, он пользовался авторитетом и уважением как Человек с большой буквы, как фронтовик, как крупный ученый-теоретик. За его принципиальность, глубокую порядочность коллеги иногда говорят, что «он совесть Института». Простой солдат, старший сержант А.П. Бутенко стал известным ученым, блистательным профессором. Заслуженный

деятель науки РФ, А.П. Бутенко является автором почти 500 опубликованных работ, включая 15 монографических исследований. Его труды неизменно привлекали внимание и продолжают вызывать научный интерес у российских и зарубежных читателей творческим, новаторским подходом, смелой постановкой вопросов.

АЛЕКСАНДР
НАУМОВИЧ
БЫКОВ.

Фронтовые дороги
и путь в науке

Родился я в Баку 5 марта 1924 года в семье служащего. В 1941 году окончил среднюю школу с отличным аттестатом. Всем классом мы собирались отметить окончание школы на море, но вдруг по радио было объявлено о начале войны. Вместо гуляния с другими выпускниками отправились в школу, где получили задание рассылать мобилизационные повестки в затемненном городе. С этого по существу и начался военный период моей жизни, хотя по возрасту мне предстояло отправляться в армию лишь на следующий год.

Поскольку война нарушила планы поступления в Бауманский технический институт в Москве, решил стать архитектором, и, сдав экзамены по рисованию и черчению, был принят на факультет архитектуры Азербайджанского политехнического института. Однако вскоре этот вуз был ликвидирован за ненадобностью в военное время, и мне было предложено переориентироваться на нефтепереработку, которая меня совсем не привлекала. После коротких поисков сдал документы в Азербайджанский мединститут, одновременно поступив на работу на эвакуированный из Запорожья в Баку авиационный завод и проработал стажером до тех пор, пока предприятие не перевели в Приуралье. По окончании

первого курса мединститута летом 1942 года был призван в армию и направлен курсантом в Тбилисское горно-артиллерийское училище, в знаменитое ТАУ.

Пребывание в ТАУ стало первым испытанием холодом и голодом: казармы не отапливались, ели мы баланду. Трижды в день приходилось чистить и кормить в конюшне лошадей, которые порою «делились» с курсантами овсом и солью (лошадей кормили лучше, чем курсантов), по-пластунски ползать по раскисшему от дождей плацу, параллельно с освоением артиллерийского дела заниматься джигитовкой на еле живых лошадях. Ускоренный курс будущие артиллеристы осваивали за шесть месяцев, но после поражения немцев на Кавказе срок подготовки был увеличен на два месяца, поэтому только в мае 1943 года я получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на фронт. Ехали в товарных вагонах через Баку, где удалось повидаться с родителями, узнать что-то о друзьях: кто сложил голову на Северном Кавказе, кто работал в родном городе, подружки же продолжали учебу, многие служили зенитчицами, защищая Баку на знаменитом бакинском бульваре, куда, по счастью, враг ни разу не долетел.

Фронтная жизнь началась для меня в восточном Донбассе: я был отправлен на Южный фронт взводным в артиллерийскую разведку 473-го артполка 99-й позднее Житомирской Краснознаменной дивизии, с которой прошел по всей Украине как командир взвода управления, а затем — артбатареи 76-миллиметровых пушек, перевозившихся попеременно то на конной тяге, то на прицепе у «студебеккера». Всего же я успел провоевать с мая 1943-го до августа 1944-го года в составе Южного, 4-го и 1-го Украинских фронтов. Прошел с боями от Красного Луча в Донбассе до Запорожья, после краткосрочного переформирования в Краснодоне — от Киева и Житомира до Львова, польского Жешува. Сражаясь на подступах к Кракову, получил тяжелое ранение (после двух легких контузий) и завершил тем самым свой боевой путь. Мне довелось принять участие в четырех из так называемых «десяти сталинских ударов», видел наши успехи и неудачи, прочувствовал на себе все

«прелести» окопной жизни, практически все время находясь на передовой, поддерживая пехоту и занимая зачастую противотанковые позиции на прямой наводке.

В то время младшим офицерам больших наград не раздавали, тем не менее за подбитого «фердинанда» я получил орден Красной Звезды, а в отместку другой «фердинанд» доконал меня, когда после успешного наступления мы нарвались на мощную контратаку, перемоловшую значительную часть нашей дивизии. Правда, было и иное. Нас спешно перебросили с Буга к окруженному Тернополю, и ночью меня вызвали в штаб, где подвыпивший начальник артиллерии дивизии сообщил: «Вот информировали верховного, что Тернополь взят, а он еще перед вами. Пехота взять его не может — выручать вам, орлы-артиллеристы. Кто войдет в город — получит Звезду Героя». Взяли разведчиков и пошли по ночному полю в город, где и расположились в главном костеле, погреб которого был заполнен испуганными поляками. Словом, положение мы спасли, но начальники об обещании забыли. Позднее узнал, что какое-то представление к награде было, но где-то затерялось, а затем после ранения я уже был комиссован, хотя кое-кто из моих соратников по артдивизиону к концу войны, уцелев, и Звезды Героев получили, и в параде Победы участвовали.

Помнятся недельные бои подо Львовом в бескрайнем лесу под непрерывным проливным дождем, где оказалась окруженной дивизия СС «Галичина». Ранним, впервые за долгое время солнечным утром мы входили в город мокрые и грязные, пушки повезли в обход центра в сторону Равы-Русской, а я, взяв из «студебеккера» трофейный велосипед, решил прокатиться в центр. В сквере перед оперным театром меня окружили женщины, одна краше другой, предлагая знакомство и дружбу, но мне было не до того, нужно было догонять батарею. А потом я узнал, что Львов был границей рейха, дальше которой полевых жен и подруг немцы не пускали, вот они и были озабочены поиском новых покровителей, которых потом им пришлось искать уже где-нибудь на Колыме.

После тяжелого ранения в правую руку и бок (от смерти спасла, видимо, плечевая кость) меня долго тащили под сплошным огнем по канаве до опушки леса, куда подоспела полковая бричка, которая лесом через шесть часов и довезла меня до медсанбата. Чтобы уберечь меня от гангрены, доктора хотели ампутировать руку, которую я чудом сумел спасти. Наскоро прооперированный, в гипсе я был отправлен до Жешува, где под бомбежкой меня с трудом пристроили в школу-госпиталь, потом после дополнительной операции через Львов переправили в Проскуров, а оттуда я попал в поезд-госпиталь, привезший меня в осенний Кисловодск, в офицерский госпиталь, находившийся в бывшем известном санатории им. С. Орджоникидзе. Затем последовали еще две операции в Баку и Москве, в результате — статус инвалида Великой Отечественной войны до конца жизни, правда, был пятнадцатилетний перерыв, когда считалось, что с моим дипломом здоровая правая рука совсем не обязательна.

С образованием дело обстояло так. Сначала, еще в госпиталях и в московском Институте иностранных языков подучил английский (в школе изучал немецкий, которым на фронте приходилось пользоваться при общении с пленными), а затем был принят в Московский институт внешней торговли на юридический факультет и окончил его с красным дипломом в 1950 году. Почти весь пятый курс провел на стажировке в Китае, в основном в Шанхае, где изучал китайский и осваивал специальность на практике. В страну я прибыл, когда было объявлено о рождении нового Китая, в Шанхай — сразу после его освобождения от гоминдановцев. В этом городе за неимением более ответственных советских представителей многократно встречался со многими выдающимися людьми, включая мэра Шанхая маршала Чень И, вице-президента вдову Сунь-Ятсена — Сун-Цзилин, главу края Гао-Гана. По роду своей деятельности много общался с шанхайской интеллигенцией и бывшими соотечественниками.

После окончания института я был направлен на работу в юридический отдел Министерства внешней торговли, а затем

в связи с семейными обстоятельствами, сделавшими временно невозможным выезд на работу за рубеж, был переведен во Всесоюзное объединение «Международная книга», занимавшееся на монопольных началах экспортом и импортом печатной продукции и изданием произведений советских авторов за границей под контролем больше Агитпропа ЦК КПСС, чем Минвнешторга, в системе которого оно значилось. Спустя несколько лет пришлось побывать сначала в послевоенной Северной Корее, а затем в Англии уполномоченным указанного объединения. Обе командировки, состоявшиеся сразу после XX съезда КПСС, были в значительной степени связаны с произведениями И. Сталина, наводнившими книжные рынки зарубежных стран.

В КНДР, которая стала рекордсменом закупки советской литературы, поставлявшейся туда практически бесплатно, мне пришлось убедиться, что использовались книги не столько по прямому назначению, сколько как строительный материал для восстановления разрушенного в результате войны жилья: внутренние перегородки в домах на японский манер были бумажными. Произведения вождя были при этом в особом дефиците, поскольку издавались на отличной финской бумаге.

Курьезные ситуации с книгами И. Сталина случались и в Англии. На складах дружественных нам фирм образовались огромные запасы его сочинений на английском языке, которые оказались неликвидными, а Москва долго не давала согласия на их возврат. В одно дождливое утро все книги были возвращены прямо в наше торгпредство, где пришлось их наспех складировать сначала в легких амбарах, где они промокли при сильном ливне, а затем переместить в подвал, что не понравилось кое-кому из наших кураторов.

Однако один скандал все-таки удалось предотвратить, не выполнив поручение Москвы приостановить переиздание в Лондоне на английском языке опальное в то время произведение Б. Пастернака «Доктор Живаго».

В итоге мне пришлось раньше срока покинуть Лондон, став «невъездным» де-факто, хотя формально никаких пре-

тензий мне не предъявлялось, и я продолжал работать на прежнем месте, позднее вернувшись в центральный аппарат Минвнешторга, где начинал работу после вуза.

С 1963 года я перешел на работу в Секретариат Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в Москве, где занимался внешними связями, а затем научно-техническим сотрудничеством стран СЭВ. Тогда же начал печататься в журналах по проблематике СЭВа. Однако начальству не очень нравилась моя особенность — высказывать собственное мнение по обсуждавшимся там вопросам. Также без одобрения была воспринята подготовленная без отрыва от работы кандидатская диссертация по вопросам научно-технического сотрудничества, успешная защита которой состоялась в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (иные ИМЭПИ РАН), и я был приглашен на работу в этот институт, чтобы участвовать в разработке нового направления его исследований, связанного с научно-техническим прогрессом и сотрудничеством стран СЭВ. В 1969 году в институте был сформирован соответствующий сектор, руководителем которого я и был вскоре назначен пришедшим в институт из Отдела ЦК КПСС новым директором доктором экономических наук, профессором О.Т. Богомоловым.

Коллективом ученых, работавших в секторе, были проанализированы результаты и возможности научно-технического сотрудничества стран СЭВ не только на двусторонней, но и на многосторонней основе, а также их сотрудничества в области науки и техники со странами Запада, прежде всего с США и ЕС. По результатам исследований была подготовлена серия научных докладов, монографий и статей, разработаны предложения по совершенствованию форм и методов этого Сотрудничества для директивных органов и организаций, осуществляющих практическую деятельность. Большое внимание уделялось сравнительной характеристике научно-технического прогресса на Западе и у нас с рекомендациями для СССР и других социалистических стран по совершенствованию форм и методов

инновационной деятельности с учетом зарубежного опыта и собственных наработок.

Большое внимание при этом уделялось обоснованию необходимости внедрения хозрасчетных отношений в области научно-технического прогресса как внутри СССР, так и при его сотрудничестве со странами СЭВ, другими зарубежными партнерами.

На следующем этапе научных исследований основное внимание было сосредоточено на формах и методах развития социалистической экономической интеграции в области науки и техники, на разработке действенного механизма для ее продвижения, основанного на прямых кооперационных связях между партнерами на микроуровне, и созданию для этого организационных и экономических предпосылок, внедрению во взаимоотношения стран-членов СЭВ основ хозрасчета и взаимной выгоды.

Хотя разработанные в секторе материалы и предложения положительно воспринимались в научных кругах, в правительственном аппарате практические результаты использования разработок сектора оказались минимальными в силу неэффективности сложившейся системы хозяйствования и управления научно-техническим прогрессом как на государственном уровне, прежде всего в СССР, так и в межгосударственных отношениях стран СЭВ. Преодоление возникающих сложностей без глубоких реформ всей командно-административной системы оказалось невозможным.

Аналитические наработки того периода, опыт работы в СЭВ позволили с научной точки зрения рассмотреть особенности наступившей научно-технической революции, что нашло отражение в моей докторской диссертации, которая была успешно защищена в 1974 году. Основные результаты исследования были опубликованы затем в виде монографии, изданной в Москве, а затем переизданной в расширенном и дополненном виде в Берлине на немецком языке.

Директор ИЭМСС АН СССР академик О.Т. Богомолов, считая меня специалистом «поливалентным», принял реше-

ние назначить меня руководителем сектора, занимавшегося разработкой проблем торгово-экономических отношений Восток—Запад. К исследованию вопросов международного сотрудничества по этому направлению в области науки и техники добавилось изучение вопросов торговли, кооперации, инвестиций и валютно-финансовых отношений, затрагивавшихся в предыдущих моих работах (еще работая в Секретариате СЭВ, я начал читать соответствующий курс лекций сначала в ЦИПК изобретательства (ныне Патентной академии), а затем в МГИМО), однако теперь эти проблемы требовали более глубокого рассмотрения.

В соответствии с тогдашним профилем ИЭМСС АН СССР экономические отношения Восток—Запад изучались комплексно: учитывалось многообразие связей западных капиталистических стран не только с Советским Союзом, но и с содружеством социалистических государств. Исследования на такой основе приобретали более сложный и разносторонний характер, поскольку подходы к развитию этого сотрудничества со стороны отдельных участников мировой социалистической системы не совпадали, особенно в последний период ее существования, что активно использовалось Западом для ее расшатывания и противопоставления одних стран другими, прежде всего Советскому Союзу как лидеру содружества.

При анализе подобной дифференциации и возможностей ее преодоления в целях консолидации содружества, коллективного противостояния дискриминационным мерам Запада в отношении стран социализма уделялось особое внимание рассмотрению мер по налаживанию равноправного взаимовыгодного сотрудничества между двумя системами. В этой связи особенно значимым представлялся вопрос нормализации отношений СЭВ и ЕС как равных партнеров, чему Европейское Сообщество всячески противодействовало, несмотря на отдельные подвижки в этом направлении, обусловленные тем, что мы признали ЕС.

После развала СССР и всего Восточного блока положение радикально изменилось. Запад считал, и не без оснований,

это эпохальное событие своей исторической победой. А для новой России это было началом переоценки ее статуса в мире, ухудшения ее геополитических и геоэкономических позиций в условиях глобализации, особенно в результате последовавших разрушительных рыночных реформ, проводившихся «шоковым методом» по указке и рецептам Запада и его международных институтов, которым безропотно следовали наши горе-реформаторы.

Была проведена реорганизация института, изменились приоритетные направления исследований, другим стало даже его название. Мой опыт и знания пригодились и в современных условиях: я был назначен на должность сначала ведущего, а затем главного научного сотрудника в Центре, занимавшемся разработкой новых проблем – проблем экономического сотрудничества и развития стран СНГ, в которое практически одномоментно был преобразован ликвидированный в результате Беловежского «сговора» и последовавшего за ним алма-атинского совещания Советский Союз, переставший существовать как единое государство, признанная сверхдержава, противостоящая США.

Новой России пришлось заново определять свое место и роль в регионе и мире с учетом изменившегося геостратегического положения и ослабленных политических и особенно социально-экономических позиций и возможностей, продолжительного системного кризиса, катастрофические последствия которого до сих пор не удалось преодолеть.

Проблемы, возникшие в экономике страны в результате пережитых ею катаклизмов, а также трудный и пока безрезультатный путь создания действенного механизма интеграции в рамках заменившего разрушенный союз неопределенного Содружества независимых государств на постсоветском пространстве – вот что находится в центре внимания научного коллектива института и интересует меня как самостоятельного исследователя.

В отличие от многих моих коллег меня с самого начала не радовали трагические трансформации истекших десяти-

летий. Надежды раннеперестроечного периода не оправдались, анализ внешнеэкономической деятельности, а затем реформ в экономике, политике показал их хаотичность и непоследовательность. Я не мог приветствовать «кульбиты» ГКЧП и тем более последовавшие после него шаги по развалу Союза, в котором решающую роль сыграла РСФСР с ее претензиями на суверенность и ее наспех сколоченная разномастная элита, выдвинувшая в качестве лидера нового Пугачева, готового во имя завоевания Кремля разрушить великое, сотнями лет формировавшееся евразийское многонациональное государство, а не империю, одновременно обрекая все населявшие его народы на невероятные тяготы и разорение без четких целей в отношении как ближайшего, так и отдаленного будущего.

Мне и до перестройки ясны были пороки командно-административной системы и тоталитаризма, в принципе ничего общего не имевшего с идеями социализма и коммунизма, равно как демократии, равенства и социальной оправданности.

Однако то, что произошло со страной на исходе минувшего бурного века, тоже не имеет ничего общего ни с демократией, ни тем более с равенством и социальной справедливостью, а цена, уплаченная за проведенные второпях рыночные реформы, осуществленные политическими мародерами, степень разорения страны и ее народов могут сравниться лишь с нашествием на нее орд Батыя. И все это было проделано внутренними силами, хотя и при мощной поддержке извне, все это осуществлено новой-старой элитой во имя захвата собственности в обмен на власть либо ради овладения тем и другим одновременно.

Следует отметить, что сейчас при новом руководстве страной наметились положительные тенденции в развитии государства, однако до восстановления разрушенного еще очень далеко, если вообще возможно при новой конфигурации страны, изменить которую не позволят элиты ни новых суверенных государств, ни внешние силы, поддерживающие их в противовес России.

Окончательный и, видимо, суровый вердикт случившемуся с великой страной вынесет история, а сегодня и на ближайшую перспективу необходимо приложить максимум усилий в продвижении структурных реформ, направленных на восстановление и модернизацию производственных сил страны, реализацию принципа социальной справедливости, что невозможно за счет одних рыночных рычагов без сильного государства, поддерживаемого широкими слоями населения, без развития здорового федерализма, без ответственного перед парламентом и народом правительства. Для достижения этого необходимо исправить ошибки проведенной хищнической приватизации, искоренить захлестнувшие страну преступность и коррупцию, беззаконие и чиновничий произвол, нужно поэтапно укреплять Содружество независимых государств при ведущей роли в этом России, для которой СНГ является естественным «предпольем», на котором прежде всего обеспечивается безопасность страны по всем направлениям.

Для укрепления внешнеполитических позиций государства и интеграции в мировую экономику необходимо эффективно использовать преимущества евразийского положения страны для организации через нее широкомасштабной взаимовыгодной для стран Востока и Запада трансконтинентальной корпорации с привлечением всех заинтересованных стран ближнего и дальнего зарубежья, существующей и вновь создаваемой инфраструктуры, соединяющей кратчайшим путем через Россию и СНГ атлантическую и тихоокеанскую цивилизации.

По всем этим судьбоносным для России проблемам мною подготовлены и опубликованы, в частности в периодической печати, соответствующие соображения и рекомендации (книги по такой «непопулярной» тематике в нынешних условиях издавать без материальной помощи затруднительно).

За последние годы мною также подготовлены и опубликованы работы, в которых исследуются проблемы глобализации и регионализации мировой экономики, рассматривают-

ся пути совершенствования этих закономерных процессов с учетом интересов всех стран и мировых регионов, а не одной оставшейся сверхдержавы и ее союзников, анализируются способы активизации участия России в этих процессах с учетом ее национальных интересов, конкурентных преимуществ и возможностей.

Проведенный мною в работах последнего времени анализ различных аспектов глобализации позволяет констатировать несправедливый характер этого процесса для более слабых его участников и углубление противоречий между богатым «золотым миллиардом» и остальным человечеством, что порождает движение антиглобалистов. Необходима замена нынешнего «Вашингтонского консенсуса», определяющего принципы глобализации, на новый, установленный не под диктовку США, а на основе согласия всех стран и мировых регионов с учетом их интересов и особенностей. В этой связи анализируются результаты деятельности ведущих международных институтов, регулирующих движение товаров, услуг и капиталов (ГАТТ–ВТО, Международный валютный фонд, Мировой банк), отмечается их неспособность эффективно решать назревшие мировые проблемы с учетом интересов всех заинтересованных стран, определяются главные направления их деятельности, а также политики России в отношениях с этими институтами, в значительной степени ответственными за плачевные результаты проведенных в стране по их рекомендациям рыночных реформ.

При рассмотрении проблем глобализации особое внимание уделяется наиболее активно развивающейся и в то же время взрывоопасной финансовой составляющей этого процесса. Именно финансовая глобализация, способствующая устранению любых ограничений на международный перелив капиталов в поисках наиболее прибыльных сфер его приложения, явилась основной причиной участвовавших в последнее время финансовых кризисов, которые уже поразили ряд развивающихся рынков, включая Россию (в частности, дефолт августа 1998 года), а сегодня угрожают и наиболее развитым

странам, в том числе и США: «перегрев» финансового рынка вызвал не только рецессию в этой самой богатой стране, но и поставил под удар всю мировую экономику и ее валютно-финансовую систему.

В опубликованных работах последних лет и в работах, подготовленных к изданию, мною анализируется состояние и развитие мировой финансовой системы современного мира, выявляются ее недостатки, а также намечаются пути рационального антикризисного регулирования, способного защитить нашу страну от угроз новых финансовых неурядиц на мировых рынках.

В том же контексте мною был выполнен ряд работ по вопросам использования в России «всемогущего» доллара и нового коллективного евро, по допросам внешней задолженности, ставшей одной из наиболее трудно решаемых глобальных проблем, со времени перестройки затронувшей и Россию, которая превратилась в одного из крупнейших мировых должников. В подготовленных работах описана история формирования российской задолженности, рассматриваются результаты ее неблагоприятного воздействия на социально-экономическое развитие страны, вплоть до угрозы безопасности России, а также определяются пути возможного урегулирования этой острейшей проблемы, облегчения долгового бремени, совершенствования всей валютно-финансовой политики страны.

Проблемы развития международных и валютно-финансовых отношений в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства, развития в нем интеграционных процессов и влияния этих процессов на Россию с учетом ее нынешнего положения, усилившейся долларизации экономики страны и укрепления рубля, а также наметившегося преодоления структурного кризиса, проблемы совершенствования ее внешнеэкономической стратегии и тактики в целях упрочения ее позиций на постсоветском и евразийском пространстве, в мировой экономике и глобализирующемся мире остаются в центре моих научных интересов как в ближайшей,

так, по-видимому, и в более отдаленной перспективе (ограничителем стал, увы, преклонный возраст, с которым ничего, к сожалению, нельзя поделать).

Практически без перерыва четвертое десятилетие я занимаюсь педагогической деятельностью, поменяв по разным причинам несколько международных университетов и институтов. В настоящее время работаю профессором по совместительству в Государственной академии управления на кафедре мировой экономики, готовящей аспирантов и магистров. Одновременно являюсь главным научным сотрудником, также по совместительству, Всероссийского научно-исследовательского института Минэкономразвития РФ, являюсь членом Ученого совета этого института и докторского совета ИМЭПИ РАН.

За последние годы дважды выигрывал грант Российского гуманитарного фонда, трижды избирался на президентскую стипендию, неоднократно премировался за выполненные работы.

Научные и служебные командировки позволили мне побывать в десятках стран пяти континентов (не довелось попасть только в Латинскую Америку, хотя и оттуда были интересные предложения). После «нештатных обстоятельств», упомянутых выше, в соцстраны стал выезжать, еще работая в системе Академии наук СССР (позднее РАН). Я был одним из первых наших ученых, кому довелось выступать на конференциях и симпозиумах в ЕС и НАТО, в Южной Корее (еще до установления с ней дипломатических отношений) с обстоятельными докладами о положении в стране и перспективах нашего экономического сотрудничества с соответствующими странами и регионами.

Приходилось выступать с лекциями во многих университетах Австралии, а также в отдельных университетах и институтах США, Ирландии, Германии, Венгрии, Испании. Случались при этом и отдельные курьезы, например, во время выступления с лекциями в Австралии пришлось покинуть аудиторию в одном из сиднейских университетов, так как при-

существовавшие маоисты устроили obstructionism представителю «ревизионистов». Там же хозяева пригласили меня на знаменитые скачки в Мельбурне и предложили поставить на одну из лошадей. Мне приглянулся бравый рыжий конь, но смутила его кличка Анкл Джо (так на Западе именовали И. Сталина), я не рискнул, и приличный выигрыш достался не мне.

В Австралии и в Финляндии мне довелось выступать в парламентах этих стран по вопросам нашей политики и ответить на ряд «неприятных вопросов», с чем, по отзывам, мне удалось справиться, не теряя лица. В начале перестройки, будучи в командировке в США, я участвовал в многочасовой беседе с советником и другом президента Рейгана, отвечая на неприятные вопросы о судьбах перестроечного процесса в СССР.

В послеперестроечный период положение науки ухудшилось, были ограничены и научные командировки. По безвалютным межакадемическим обменам раз-два в году я бываю за рубежом и могу сказать, что интерес к российской тематике сейчас достаточно низкий: где оказалась наша страна — ясно без дискуссий, а куда она идет, остается до конца непонятным не только зарубежной аудитории, но и ученым, в том числе и мне. Что же касается прогнозов, то возможность достижения «светлого будущего» вызывает порою сомнения, поскольку достаточно глубоки произошедшие за годы реформ изменения, прежде всего, в экономике России. Приятным исключением стала китайская академическая аудитория, с которой довелось пообщаться в Пекине. Представители китайской научной общественности говорили, что верят в способность России преодолеть переживаемые трудности, если у нас учтут не только мировой опыт, но и свою специфику, свои потенциальные возможности, как сделали это в Китае, сотворив за годы рыночных преобразований общепризнанное «экономическое чудо».

Мы же, не учитывая ни своей специфики, ни того же китайского опыта, доверившись западным рецептам, получили «чудо падения», выбираться из которого трудно. Тем не менее, наметившиеся успехи последних лет позволяют при

пересмотре проводимой политики обеспечить необходимое для страны возрождение, которое в российской истории всегда следовало после «смутного времени». Такое возрождение возможно под традиционно сильным для России твердым государственным управлением и во имя благородных целей с помощью мобилизационного ресурса, опирающегося на патриотизм масс. Жаль, что в моем возрасте (при всем старании работать в меру сил и скромных возможностей) вряд ли стоит надеяться увидеть результаты такого народного порыва, прорыва наперекор сохраняющемуся неверию во все и вся.

Более двухсот опубликованных работ, включая десять монографий, отражают результаты моих научных исследований. Ряд работ по вопросам финансовой глобализации, евразийской интеграции и российской задолженности находятся в печати.

ВЯЧЕСЛАВ
ИВАНОВИЧ
ДАШИЧЕВ.

Подводя жизненные
итоги

Родился я 9 февраля 1925 года в Москве.

Мой отец, Дашичев Иван Федорович, участвовал в Первой мировой войне, дослужился до младшего офицера и во время революции перешел по идейным соображениям на сторону Красной Армии, стал героем Гражданской войны (см. первое издание БСЭ, т. 20), удостоен за проявленное мужество и военные заслуги трех орденов Красного Знамени (тогда ими были награждены всего лишь тридцать человек!).

В 30-е годы юношей я наблюдал, как в жерновах сталинских чисток один за другим исчезали соратники отца. В середине 30-х годов он возглавлял штаб элитного 1-го стрелкового корпуса в Москве. Помню, как он был потрясен, когда командир корпуса Кутяков — в Гражданскую войну начальник штаба дивизии Чапаева — был арестован и расстрелян. Затем последовали новые страшные потрясения. После гибели комкора Кутякова в 1936 году отец был переведен на Дальний Восток и принял командование Сибирской стрелковой дивизией в городе Бикин под Хабаровском.

Дивизия входила в состав Хабаровского стрелкового корпуса, которым командовал комкор Калмыков. Не прошло и года после вступления отца в новую должность, как

Калмыков был арестован. Во время ареста он покончил жизнь самоубийством, выбросившись в лестничный пролет с криком «Да здравствует социализм!». Отец был в полном смятении. Невозможно было понять, за что так расправились с Калмыковым.

В 1938 году отец был отозван в Москву. Помню, когда мы ехали в поезде с Дальнего Востока, отец каждый раз вздрагивал при стуке в дверь купе. На случай ареста он держал при себе маленький чемодан со всем необходимым. Восемь месяцев он находился в резерве Главного управления кадров Красной Армии. Решался вопрос: либо «посадить» отца, либо дать новое назначение. Можно представить, в каком психологическом состоянии находился отец и мы с сестрой и матерью. А в таком положении, как он, в армии были десятки тысяч. В конце концов, его назначили в 1939 году командиром корпуса в Великие Луки. Начальником штаба корпуса был генерал-майор Т.В. Кудрявцев, ставший впоследствии моим тестем.

Вскоре этот корпус был использован в позорной и преступной финской войне. Ему поставили задачу, наступая на Оулу, перерезать Финляндию пополам. Однако в связи с полным бездорожьем на этом направлении, чрезвычайно глубоким снегом, отсутствием соответствующих транспортных средств и лыж в войсках, их низкой боеспособностью, неготовностью воевать в непривычных, чрезвычайно суровых зимних условиях отец отказался проводить наступление. Прибывший в расположение корпуса Лев Мехлис, в то время начальник ГЛАВПУ Красной Армии и одновременно член Военного совета Ленинградского фронта, «цербер Сталина», как его называли, приказал отцу немедленно начать наступление. Отец отказался, заявив, что это приведет к гибели корпуса. Мехлис под угрозой ареста продолжал настаивать на своем. Тогда отец предложил ему, как члену Военного совета фронта, лично написать приказ о наступлении, что он и сделал.

Рассказы отца и трагические события тех лет сформировали мое юношеское мнение о состоянии наших

Вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны. Впоследствии, в «хрущевскую оттепель», когда я работал в Военно-научном управлении Генштаба, мне стало известно из документов, что в период сталинских чисток были расстреляны 42 тысячи военнослужащих из высшего и среднего комсостава. Накануне смертельной схватки с германским нацизмом Красная Армия была обезглавлена.

Это объясняет, почему Сталин панически боялся войны с Германией и даже запретил проводить мероприятия по приведению наших Вооруженных сил в состояние повышенной боевой готовности накануне 22 июня 1941 года, дабы, как он полагал, «не спровоцировать» наступления вермахта. Большой политической шизофреничности, близорукости и глупости трудно себе представить. А в обстановке созданного массовыми репрессиями всеобщего страха никто не осмеливался перечить Сталину. Как стало впоследствии известно, на агентурных и прочих донесениях о том, что вермахт готов вот-вот начать наступление, начальник Главного разведывательного управления генерал Филипп Голиков угодливо налагал резолюцию «Это провокация». На таком фоне смехотворными выглядят попытки беглого советского разведчика В. Суворова (Резуна) доказать, что Сталин якобы намеревался начать «превентивную войну» против Гитлера в 1941 году.

Уже в зрелом возрасте мне стали понятны причины массовых сталинских репрессий в отношении не только военной, но и партийной, управленческой, научной, преподавательской, инженерной, сельскохозяйственной и религиозной элит страны. Речь шла совсем не о «врагах народа». С самого начала возникновения советского государства развернулась жестокая борьба за политическую власть. Это объяснялось тем, что советское государство не обладало легитимностью, основанной на воле народа, а основывалось на господстве раздираемой противоречиями, личными амбициями и интригами высшей партийной номенклатуры — фактически сектантской, заговорщицкой организации, действовавшей в соответствии с мессианскими догмами марксизма, а позже ленинизма и сталинизма.

Как и многим миллионам советских граждан, моему отцу тоже не удалось избежать ареста. Это случилось уже во время войны. С началом военных действий он командовал 35-м стрелковым корпусом, который успешно отражал наступление противника в Молдавии. В конце 1941 года он вступил в командование 9-м стрелковым корпусом Крымского фронта, а во время Керченско-Феодосийской десантной операции – 44-й армией, находившейся в отчаянном положении. В его боевой характеристике того времени значилось: «Проявил себя подготовленным опытным командиром, в совершенстве владеющим навыком командования частями в бою. Выдержан, тверд, политически развит хорошо. С массой командиров и бойцов связан, пользуется авторитетом» (Командармы: Военный биографический словарь. М., 2005. С. 66).

Тем не менее в начале 1942 года он стал жертвой новой кампании арестов десятков генералов, проводившейся по указанию Сталина не только со старой целью запугивания, но на этот раз и с целью поиска «козлов отпущения» за сталинские грехи. К гонению на отца по иронии судьбы снова оказался причастным Мехлис, являвшийся членом Военного совета Крымского фронта со всеми вытекавшими отсюда отрицательными последствиями для ведения военных операций. В июле 1942 года, при следовании из Крыма в район Калинина для принятия новой должности заместителя командующего Калининским фронтом Конева, отец был арестован. Ему было тогда 45 лет! Причиной послужил не только доклад Мехлиса Сталину, в ложном свете представивший причины провала Керченско-Феодосийской операции и роли в ней отца, но и донесение «стукача» – одного полковника (не стану называть его фамилии), в разговоре с которым отец резко критиковал Сталина за стратегический провал 1941 года.

Ему пришлось отсидеть в тюрьме, в одиночной камере, вплоть до смерти Сталина в марте 1953 года, после чего он был освобожден и работал чернорабочим на канатном заводе в Рыбинске. В том же году его полностью реабилитировали. Но здоровье его было сильно подорвано, и он не смог больше

продолжать предложенную ему службу в армии. В результате, вместо того, чтобы использовать незаурядные военные знания и опыт отца в войне против вермахта и в послевоенное время, его продержали в тюрьме без суда и следствия десять лет. «Где же была государственная мудрость Сталина и других советских правителей того времени?» — думал я. Об аресте отца я узнал лишь в конце 1944 года. Думал тогда, что он, как и многие, где-то партизанит или выполняет спецзадание. Я пишу все это только для того, чтобы показать, насколько ненормальной была обстановка в стране в сталинские годы.

В декабре 1942 года я был призван в армию и направлен в Военный институт иностранных языков. Но поскольку я уже прилично знал немецкий язык, по настоянию родителей несколько лет углубленно изучая его с преподавателем дома, я подал рапорт об отправке меня на фронт. Мой рапорт был удовлетворен.

С 1943 по 1945 год я участвовал в Великой Отечественной войне в качестве офицера разведотдела штаба 4-го Украинского фронта. Отдел возглавлял генерал Грязнов, большой знаток своего дела, пользовавшийся авторитетом у сотрудников. Под его началом я прошел боевой путь от Ростова до Праги и дослужился до звания старшего лейтенанта. В мою задачу входило снабжение нашего командования информацией, полученной различными путями, особенно от военнопленных и из захваченных немецких документов.

Яркое воспоминание осталось в памяти от прорыва нашими войсками Перекопского перешейка и освобождения Крыма в мае 1944 года. В то время я получил задание продвигаться на мотоцикле вместе с танковыми и моторизованными войсками вглубь полуострова, незамедлительно допрашивать на месте взятых в плен немецких офицеров и солдат и быстро сообщать в разведотдел полученную информацию о противнике. Кроме того, я должен был вместе с подвижными войсками войти в Симферополь, найти штаб 17-й немецкой армии, оборонявшей Крым, и захватить оставленные в нем документы. Это задание было выполнено. Затем мне при-

шлость иметь дело с захваченным в плен командующим 17-й армии генерал-лейтенантом Бёме и несколькими полковниками из его штаба.

Не обошлось и без тягостных впечатлений. Во время продвижения вглубь Крыма нам навстречу попадались колонны служивших в немецкой армии крымских татар и выходцев из Средней Азии, плененных немцами. Из них были сформированы германским командованием «туркестанские батальоны», занятые в основном на тыловых работах. Они шли навстречу нам с поднятыми вверх руками. Танкисты останавливались при виде предателей, вылезали из танков и плевали в их сторону. Иногда дело доходило до мордобоя и до более тяжелых инцидентов. А вот в Прикарпатье, куда был перебросен 4-й Украинский фронт после взятия Крыма, мне пришлось столкнуться с более серьезной опасностью, связанной с нашими фальшивыми «соотечественниками». Дважды, подо Львовом и Станиславом, я чуть не погиб, будучи обстрелян из засады украинскими националистами-бандеровцами.

В разведотделе под руководством опытного разведчика полковника Сапогова мне пришлось заниматься и более «тонкой» работой. Было много немецких военнопленных, готовых работать и сражаться вместе с Красной Армией против гитлеровского режима за демократическую Германию. Из их числа мы подготовили много агентурных работников. Они забрасывались в тыл немецкой армии с поддельными документами и составленными нами весьма правдоподобными легендами. Когда под Никополем в конце 1943 года была окружена немецкая армейская группа генерала Холлидта, мы направили ему через нашего немецкого «фельдъегеря» послание с предложением сдаться. Послание было под расписку сдано в приемный пункт фельдъегерской службы германской армии, а наш курьер благополучно вернулся к нам. Но Холлидт так и не сдался и вывел свои войска из окружения.

За участие в Великой Отечественной войне и за последующую службу в армии я был награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, 18 медалями, в том

числе «За боевые заслуги», медалью ЧССР «За участие в словацком народном восстании».

В терниях советской исторической науки

В конце 1945 года я осуществил мою фронтовую мечту, став студентом исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Одновременно мне пришлось поневоле работать в Военной академии им. Фрунзе преподавателем на разведывательном факультете. Ведь отец мой находился в тюрьме, и я взял на себя материальную заботу о матери и малолетней сестре. Это позволило сестре окончить среднюю школу и географический факультет МГУ. Впоследствии она стала лауреатом Государственной премии за геологические открытия.

В 1950 году я окончил истфак МГУ, а в 1953 году — аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Агрессия фашистской Германии против Франции. 1939—1940 гг.». Эта работа помогла мне стать в 1953 году по рекомендации доктора исторических наук, полковника В.М. Кулиша научным сотрудником отдела зарубежной военной истории и теории редакции журнала «Военная мысль». Его главным редактором был тогда видный советский военный теоретик генерал Таленский, а затем — генерал Радецкий. В 1953 году в этом журнале вышла моя первая статья, посвященная заговору против Гитлера 20 июля 1944 года. За нею последовал ряд других статей, в том числе статья о военной доктрине США, написанная на основе анализа американской военной печати, в изобилии имевшейся в Военно-научной библиотеке Генерального штаба. Статья была удостоена высокой оценки со стороны Главного разведывательного управления Генерального Штаба. Шестилетний труд в журнале «Военная мысль» позволил мне основательно познать «тайнства» военной стратегии и военной политики.

В 1959 году после многолетнего перерыва был восстановлен «Военно-исторический журнал», входивший, как и «Военная мысль», в состав Военно-научного управления

Генерального штаба. Я считал, что мне было бы интересней и плодотворней работать в этом журнале, и подал рапорт об этом начальству. Вопрос был решен положительно. Так я стал в 1959–1968 годах редактором по разделу зарубежной военной истории редакции «Военно-исторического журнала». В то же время, в 1963–1965 годах мне выпала честь по совместительству читать лекции и вести спецкурс «Германия во второй мировой войне» на истфаке Московского государственного университета.

Главным редактором журнала был назначен генерал-лейтенант Н.Г. Павленко. Работать с ним было одно удовольствие. Это был человек кристально чистой души, высокой нравственности, великий правдолюбец и непревзойденный знаток истории Великой Отечественной войны. Он более 10 лет служил в военно-историческом отделе ВНУ ГШ и как никто иной знал документы Ставки верховного главнокомандования и штабов фронтов. Он обладал еще одним важным для главного редактора качеством — смелостью. Под его руководством коллектив редакции сполна использовал «хрущевскую оттепель», чтобы восстановить правду о Гражданской и Великой Отечественной войнах, устранить сталинские искажения истории, в сотнях статей извлечь из небытия и посмертно отдать дань уважения невинным жертвам сталинского террора — крупным советским военачальникам и государственными деятелям, а также рядовым воинам. Это была увлекательная, благодарная работа, окрашенная сильными положительными эмоциями.

Но и тогда на пути к правде мы испытывали со стороны консервативных партийных деятелей, повязанных сталинским прошлым, сильное сопротивление. Помню, сколько неприятностей мне пришлось пережить за публикацию статьи об участии советских людей в движении сопротивления во Франции и Италии. В редакцию пришла бумага из ЦК КПСС, в которой я обвинялся в «прославлении предателей Родины» — советских пленных, бежавших из немецких лаге-

рей и борющихся с оружием в руках против нацистских оккупантов во Франции и Италии. Многие из них были награждены высшими орденами этих стран, даже лично де Голлем. Меня вызвали «на ковер» в отдел партийного контроля ЦК и предложили написать объяснительную записку. Я обратился от имени редакции в ЦК французской и итальянской компартий с просьбой прислать нам имеющиеся у них сведения об упомянутых в статье лицах. Получили отличные характеристики. Из правительственных органов Франции и Италии тоже пришли блестящие отзывы. Но этого оказалось мало. Ведь был приказ Сталина рассматривать всех советских военнопленных, попавших в немецкий плен, как предателей Родины. Эта изнурительная история длилась около четырех месяцев, и я уже думал, что не «отмоюсь», и рассчитывал на худшее. Какова же была моя радость, когда, открыв в один прекрасный день свежий номер «Правды», я увидел в ней указ Президиума Верховного Совета о награждении упомянутых в статье советских героев французского и итальянского движения Сопротивления орденом Отечественной войны I степени. Правда восторжествовала! В редакции все мы ликovali. Кому же мы были обязаны этим? По всем признакам инициатива явно исходила из секретариата Хрущева.

Редакция, особенно полковник В.М. Кулиш и полковник В.Д. Поликарпов, возглавлявшие соответственно отдел критики и отдел истории Гражданской войны, много раз переживали аналогичные удары. Но главный редактор Н.Г. Павленко непоколебимо вел свой корабль. Обстановка для «Военно-исторического журнала», как и для всех других органов печати, очень осложнилась после свержения Хрущева партийным кланом Брежнева-Суслова. На очищение социалистического строя и истории от сталинских извращений и преступлений было наложено вето. Неосталинистское руководство, само того не сознавая, вступило на ложный путь. Оно все больше подрывало доверие к партии и к ее пропаганде, теряло поддержку в массах и особенно в научных кругах. Рассудку вопреки, ставка делалась лишь на принуждение и, как и в прошлом,

на запугивание. Никаких изменений в системе, в идеологии, в пропаганде, в трактовке истории! — таково было требование сверху. Это была гибельная политика, ставшая одной из причин распада СССР.

Стиль брежневского руководства я очень остро испытал и на себе. Дело было так. В своей книге «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР», опубликованной издательством «Наука» в 1967 году, я упомянул тот факт, что с июня 1941 года по февраль 1942 года в немецкий плен попали три с половиной миллиона советских солдат и офицеров. Вскоре в редакцию из ЦК пришло письмо с отрезанной подписью, в котором говорилось, что эта цифра наших военнопленных — вопиющее извращение фактов, что я порочу советское командование и героизм наших войск и т. д. Снова меня вызвали в отдел партийного контроля и снова предложили написать объяснение. Мои ссылки на немецкие документы, подтверждающие эту цифру, не были приняты во внимание. Я оказался в дурацком положении. И опять меня спасла газета «Правда»! В ней была опубликована статья главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, в которой подтверждалась эта цифра советских военнопленных. Оказывается, она фигурировала еще в Нюрнберге на процессе над главными нацистскими преступниками. Как выяснилось, письмо в ЦК КПСС было подписано генералом армии П.И. Батовым.

В Академии наук

1970 год стал очень важным и счастливым рубежом моей жизни. Я вступил в Академию наук с ее необычной для тогдашних советских условий либеральной атмосферой. Академик Н.Н. Иноземцев — надо отдать ему должное — не испугался взять меня, «опального полковника» и «еретика», ведущим научным сотрудником в свой Институт мировой экономики и международных отношений. Здесь я нашел настоящее научное и творческое пристанище, хотя мне пришлось переквалифицироваться, я стал изучать международные отношения, в

основном, в аспекте европейской безопасности, и германскую проблематику. Я попал в дружный коллектив специалистов высокого класса, таких как Д.М. Меламид, Д.М. Томашевский, Ю.М. Рубинский, В.В. Размеров, А.Д. Никонов и многие другие. От них я многому научился. Опыт работы в «Военной мысли» и в «Военно-историческом журнале», где постоянно приходилось иметь дело с военной и политической стратегией, с международными отношениями, помог мне быстро перестроиться. Поскольку ИМЭМО АН являлся академическим советником ЦК КПСС и правительства по международным и экономическим вопросам и постоянно получал от них задания, мне вскоре тоже пришлось впервые приобщиться к написанию так называемых аналитических записок «по начальству». Это было не простым, хотя и очень интересным и ответственным делом. В центре моего внимания оказались вопросы отношений Восток-Запад, проблемы войны и мира. Это было как раз то, о чем я мечтал в мои фронтовые годы.

С большим сожалением мне пришлось в конце 1972 года расстаться с ИМЭМО. Директор Института экономики мировой социалистической системы АН академик О.Т. Богомолов и его заместитель профессор И.И. Орлик предложили мне сформировать и возглавить в институте сектор внешнеполитических проблем. Я принял это заманчивое предложение и сформировал сектор в основном из молодых сотрудников — выпускников МГУ. Он вошел в отдел политических и идеологических исследований, которым руководил профессор А.П. Бутенко — исключительно талантливым человеком, совмещавший в себе верность социалистическим идеям и творческий, критический, без идеологической зашоренности подход к оценке нашего прошлого и к решению наболевших проблем социалистического развития. Его многочисленные философские статьи с критикой отживших теоретических и идеологических догм неизменно вызывали у наших научных и в политических кругах большой, хотя и далеко неоднозначный, резонанс.

Вскоре мой сектор был выделен в самостоятельную научную единицу — отдел внешнеполитических проблем, гла-

вой которого я был до 1990 года. Это были, пожалуй, самые счастливые годы моей творческой жизни в замечательном, дружном научном коллективе института. Прекрасный организатор науки, неординарно мыслящий крупный ученый, человек высокой нравственности и научной добросовестности О.Т. Богомолов создал и поддерживал в институте атмосферу моральной чистоты и творческого горения. Мне очень повезло в жизни, что я работал с такими замечательными людьми, как Н.Г. Павленко и О.Т. Богомолов.

В ИЭМСС мне представилась прекрасная возможность еще более углубленно заняться проблемами войны и мира и поисками путей смягчения, а возможно, и устранения конфронтации между двумя мировыми системами — США и СССР. Ведь эта конфронтация, тем более в ядерный век, могла привести к гибели человеческой цивилизации. В период двух берлинских и кубинского кризисов мир висел буквально на волоске. Вот почему я считал исследование этих вопросов приоритетной задачей. К этому времени у меня уже сложились определенные представления о том, в силу каких причин возникают мировые войны. Я пришел к выводу, что именно политика господства неизменно служила в XX веке главным фактором деформации системы международных отношений. Она накладывала неизгладимый отпечаток на развитие мира в целом и отдельных народов в частности, определяла «дух времени» и выступала в качестве основы самых деструктивных и разрушительных явлений в сфере международной политики. В итоге человечество испытало на себе ужасы двух «горячих» и одной «холодной» войн. Для меня стало ясно, что стремление к господству на мировой арене обусловлено различными причинами и может принимать всевозможные обличья: ярко выраженную империалистическую, мессианско-идеологическую, националистическую, экономическую, финансово-олигархическую — или же выступать в сочетании этих форм.

Исходя из этих общих выводов, я написал свой двухтомный труд «Банкротство стратегии германского фашизма.

1933–1945 гг.», выпущенный в свет издательством «Наука» в 1973 году. По нему я защитил в том же году в моей «альма-матер» – МГУ – диссертацию на соискание степени доктора исторических наук. Я постарался показать, что политика мирового господства неизбежно ведет к мировой войне и заканчивается полной катастрофой для ее инициаторов. Этот труд удостоился высокой похвалы маршала Г.К. Жукова. Во время работы над воспоминаниями он сказал как-то своему редактору: «Читали Дашичева? Стоящая книга!» («В мире книг». 1978. № 2). В газете «Правда» 14 марта 1974 года была опубликована рецензия Константина Симонова, в которой, в частности, говорилось: «Читаешь эту поучительную книгу и наполняешься чувством гордости за то, что в ходе тяжелейшей в истории человечества войны ценою огромных жертв и огромного напряжения сил нашей Советской страны, партии, народа, армии мы разгромили огромную, страшную военную машину и нанесли поучительный для всего человечества удар по варварской идеологии "сверхчеловеков", вообразивших себя в XX веке потенциальными рабовладельцами Восточной, и не только Восточной Европы».

Однако, как я вскоре узнал, наш министр иностранных дел А.Н. Громыко выразил свое недовольство книгой в связи с тем, что в ней отсутствовала глава о советско-германском пакте 1939 года. Да, я специально не затронул в книге этот вопрос, поскольку не хотел писать неправду, зная, что официальная версия представляет мотивы, обстоятельства и последствия заключения этого пакта в ложном свете. К 60-летию нашей победы в 2005 году издательство «Наука» выпустило четырехтомное переработанное и дополненное издание этой книги под новым названием: «Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе». В ней я постарался сказать правду о пакте, который был наиболее тяжелым внешнеполитическим наследием сталинизма. Он помог Гитлеру развязать вторую мировую войну и стал «черной совестью» советской внешней политики. Вокруг него возникли многочисленные лживые мифы,

не развенчав которые, нельзя было восстановить доверие к советской политике.

Большую роль в поисках путей улучшения отношения с Западом сыграл международный научный проект «Звезда», созданный в 1974 году по решению ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран Европы. Перед ним была поставлена задача — периодически представлять руководству этих стран научные доклады о текущих тенденциях в сфере взаимоотношений стран двух систем в Европе и в других регионах. Участниками проекта были институты международного профиля академий наук и министерств иностранных дел социалистических стран Европы (кроме Румынии, Югославии и Албании). Конкретным выполнением поставленных задач занималась Международная проблемная комиссия. Функции головной организации выполнял ИЭМСС. Мне было поручено быть координатором научно-политических исследований. В проекте участвовали видные политологи, работники ЦК и МИД социалистических стран. Со времени его создания были разработаны пять проектов.

Наиболее интересным и политически острым мне представляется проект «Звезда-4» на тему «Актуальные проблемы политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических государств в 80-е годы». Он был завершен в 1984 году. По моему настоянию в него были внесены следующие положения, важные для коренного оздоровления международной обстановки и отхода от конфронтационного курса: отказ от опасного в ядерный век принципа «классовой борьбы» на международной арене, деидеологизация внешней политики, установление равноправных партнерских отношений между социалистическими странами, коренное реформирование СЭВ и превращение его в международную организацию, призванную создавать благоприятные политические, правовые и экономические условия для прямых кооперационных и прочих связей между предприятиями социалистических стран и становления их общего рынка, отказ от доктрины «стратегического парите-

та» между Советским Союзом и США с их союзниками по НАТО и переход к доктрине достаточности сил для обеспечения безопасности страны, установление равенства в обычных видах вооружений между НАТО и Варшавским договором, преобразование Вооруженных сил обоих блоков в чисто оборонительные структуры, не способные вести наступательные действия, отказ от расширения военными средствами сферы господства социализма за счет стран «третьего мира», что постоянно сталкивало Советский Союз с Западом.

С энтузиазмом я воспринял перестройку М.С. Горбачева как эру социалистической реформации, призванной очистить от деформаций господствовавший у нас социалистический строй и вывести Советский Союз на путь эффективного социально-политического и экономического развития. Я понимал, что для успешного достижения этой цели настоятельно необходимо было создать благоприятные внешнеполитические условия, т. е. вывести страну из состояния конфронтации с мировой коалицией западных держав, обуздать гонку вооружений, поглощавшую 30 процентов ВВП страны, преодолеть раскол Европы или, по крайней мере, смягчить его отрицательные последствия для нас. Я искренне радовался, представляя, какие радужные перспективы перестройка может открыть перед нами как для внутреннего развития страны, так и на внешней арене.

В начале 1987 года мне было предложено занять в Министерстве иностранных дел по совместительству пост председателя Научно-консультативного совета при Управлении социалистических стран Европы. Это был не административный, а общественный орган. По идее, он должен был внести свежую идейную струю в деятельность наших дипломатических ведомств, настроить их на более творческий подход к решению новых внешнеполитических задач. В Совет вошли представители ЦК КПСС, Академии наук, ряда правительственных ведомств и сотрудники МИД. На первом заседании Совета был обстоятельно обсужден доклад профессора А.П. Бутенко «Теоретические основы советской внешней политики».

Второе заседание было посвящено обмену мнениями по моему докладу «Вопросы реформирования СЭВ». Идея доклада состояла в том, чтобы главный упор в деятельности СЭВ сделать на развитии избирательных горизонтальных кооперационных связей непосредственно между предприятиями, фирмами и экономическими объединениями социалистических стран, отбросив изжившую себя практику бюрократического навязывания таких связей предприятиям по вертикали, через верхние эшелоны власти СЭВ после согласования государственных планов стран-участниц. В таких связях предприятия были мало заинтересованы. Им следовало предоставить возможность самим подыскивать себе партнеров. Другими словами, надо было изжить искусственный характер интеграции в рамках СЭВ, придать этой интеграции органичный характер, стимулируя глубокое переплетение деловых связей между социалистическими странами на микроэкономическом уровне.

На заседании Совета в ноябре 1987 года я попытался, впервые после советских инициатив 50-х годов, поставить на повестку дня вопрос о выработке новой концепции нашей политики в интересах возможного сближения и объединения двух германских государств, ибо было очевидно, что от объединения Германии в решающей степени зависело прекращение «холодной войны», создание предпосылок для объединения Европы, для подрыва позиций США в Западной Европе, устранения их военного присутствия на европейском континенте и для преодоления изоляции Советского Союза. Это было, в сущности, в наших национальных интересах. Не случайно Сталин выступал до 1952 года в поддержку идеи единства Германии. Правда, тогда он надеялся, что в случае удачного решения этого вопроса сможет развязать «империалистические противоречия» между западными державами. Лишь после того, как его нота США, Англии и Франции от 10 марта 1952 года о принятии мер по объединению Германии была отвергнута, он отошел от этой политики в германском вопросе. Но во второй половине 80-х годов вопрос о единстве

Германии снова приобрел актуальность. Это было связано с целым рядом факторов международного характера и внутреннего развития ГДР.

После падения Берлинской стены я выступал за устранение еще имевшихся препятствий на пути к немецкому единству. Вопрос упирался прежде всего в решение проблемы членства объединенной Германии в НАТО. Однако приостановка процесса германского воссоединения рождала угрозу продолжения «холодной войны». Этого нельзя было допустить. Я полагал, и вполне обоснованно, что Советский Союз с его огромным военно-экономическим потенциалом и арсеналом стратегического ядерного оружия был способен уравновесить НАТО даже без стран Восточной Европы. В этом я пытался убедить наше руководство в ряде аналитических записок, подготовленных в начале 1990 года. Этому вопросу были посвящены и несколько моих публикаций. Лишь в мае 1990 года, после длительных размышлений, М. С. Горбачев склонился к этой точке зрения. Путь к решающим переговорам и к договору «Два плюс четыре» был открыт.

Однако при заключении этого договора с советской стороны были допущены серьезные ошибки. В нем нужно было четко оговорить обязательство США и их союзников не расширять НАТО и его структуры на Восток, к границам СССР, принять меры к демонтажу военной структуры НАТО и превращению этого альянса в общеевропейскую военно-политическую организацию, призванную обеспечивать безопасность и стабильность европейского развития. Частично эти упущения были исправлены в Парижской хартии, подписанной всеми европейскими государствами, США и Канадой 21 ноября 1990 года. В ней торжественно провозглашалось: «Век конфронтации и раскола континента закончился. Мы заявляем, что наши отношения будут впредь основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от наследия прошлого. <...> В Европе наступает новый век демократии, мира и единства». Хартия содержала превосходные принципы европейского общежития: равноправие народов, равная

безопасность для всех государств, выдвижение Европой только мирных инициатив, укрепление стабильности и единства Европы, создание справедливого европейского мирного порядка, укрепление доверия между странами, приоритет закона и международного права, развитие демократических институтов, ответственных перед избирателями, соблюдение прав и свобод личности, осуществление разоружения.

Но все эти принципы европейского общежития разбились о политику глобального господства США. Вашингтон грубо нарушил взятые на себя обязательства, вытекавшие из Парижской хартии. После падения СССР «вашиingtonские мудрецы» пришли к выводу, что для утверждения их господства в Европе необходимо сохранить раскол континента, направленный против России.

Несмотря на деструктивную политику США, объединение Германии стало крупным положительным событием в развитии Европы. Оно позволило отодвинуть конфронтацию между Россией и западноевропейскими странами на задний план. Появились зачатки эрозии НАТО и американских позиций в Европе. С исчезновением «образа врага» на Востоке возник новый «образ опасности», исходящей от политики господства США. Существование Евroatлантического союза стало трудно оправдывать. Ведь угроза Европе перестала существовать. Вместо американизации Европы постепенно начался процесс ее реевропеизации. Стала формироваться общность национальных интересов России и большинства европейских стран. Закономерность «обратной отрицательной связи» начала с возрастающей силой действовать против США.

Какое влияние оказали на М.С. Горбачева мои аналитические записки? На этот вопрос его главный советник А.С. Черняев дал такой ответ: «Журналисты и ученые спрашивают меня часто, какую роль для уяснения Горбачевым "германского вопроса" сыграли эксперты и ученые из академических учреждений, доклады и записки сотрудников министерства иностранных дел и международного отдела ЦК, донесения послов, представителей КГБ за рубежом, военных атташе и

агентов Главного разведуправления. Несомненно, они сыграли свою роль, особенно последние с их определенной магической силой секретности, что, правда, далеко не всегда означало правильность анализа и рекомендаций. Из множества научных источников, служивших для Горбачева источником информации о немецких делах, а также о делах, касавшихся "социалистического лагеря", следовало бы назвать записки Вячеслава Дашичева. Его оценки происходившего в Германии и его рекомендации — в отличие от большинства других — указывали правильное направление. Они выражали мысли, которые впоследствии оправдывались» (50 лет советской и русской политики в германском вопросе / Под ред. Бориса Майсснера. Берлин, 1999). Так я волей-неволей оказался в гуще международных событий в Европе, связанных с преодолением раскола Германии и всего континента.

Мое позитивное влияние на процессы преодоления раскола Германии и воссоединения немецкого народа и связанное с этим прекращение «холодной войны» я считаю важнейшим достижением моей жизни. В связи с этим не могу не привести здесь присланное мне поздравление Ганса-Дитриха Геншера по случаю моего 80-летия. Мне было особенно приятно получить такое поздравление от выдающегося государственного деятеля, который, будучи 18 лет на посту министра иностранных дел Германии, с непревзойденным искусством и мудростью отстаивал национальные интересы немецкого народа и видел цель своей жизни в том, чтобы преодолеть раскол Германии и Европы и тем самым создать новый мирный европейский порядок, свободный от конфронтации и политики господства.

В этом поздравлении Геншер писал: *«По случаю Вашего 80-летия шлю Вам мои самые сердечные поздравления. Я желаю Вам здоровья и личного благополучия. А нам всем я желаю, чтобы Вы и дальше вносили свой вклад в создание лучшего мира. Ваш день рождения служит для меня поводом снова поблагодарить Вас за Ваши большие политические и научные свершения в жизни. Вы принадлежите к тем, кто*

прокладывал путь к преодолению раскола Европы и Германии. Поэтому мы, немцы, испытываем к Вам особую благодарность. Дальновидность и ответственность должны быть присущи государственному деятелю. Кто может соединить эти качества с научным анализом и обоснованием, тот, в конце концов, достигнет цели при условии, что он имеет мужество отстаивать свои убеждения вопреки духу времени, царящему в его окружении. Вы обладали этим мужеством. Поэтому я испытываю к Вам особое уважение. В Ваш день рождения я вместе с Вами с моими мыслями и моими добрыми пожеланиями. Вы должны быть уверены, что всегда можете рассчитывать на меня. Я говорю это в сознании того, что мой народ испытывает к Вам благодарность.

*С сердечным расположением к Вам и приветом
Ваш Ганс-Дитрих Геншер».*

К этому ценному для меня посланию можно присоединить и другие события моей жизни, связанные с объединением Германии 3 октября 1990 года. По личному приглашению президента ФРГ Фридриха фон Вейцзеккера я присутствовал в берлинском оперном театре на первом торжественном собрании правительства и общественности ФРГ, посвященном Дню германского единства, 15 февраля 1995 года. Немецко-российский форум удостоил меня премии Фридриха Иозефа Хааса за «выдающийся вклад в немецко-российское взаимопонимание».

30 апреля 2006 года немецкое Общество свободной публицистики наградило меня медалью великого германского гуманиста Ульриха фон Гуттена. В наградном листе говорилось: «Общество свободной публицистики награждает медалью Ульриха фон Гуттена господина профессора, доктора Вячеслава Дашичева как идейного вдохновителя и видного участника объединения Германии. Как германист, историк современности, военный историк и политолог проф. Дашичев последовательно и мужественно выступал против влияния

сталинизма в СССР и за подлинную свободу мнений. Он не побоялся в столкновениях с партийной номенклатурой выдержать значительные личные невзгоды, такие, например, как увольнение из армии. Несмотря или именно по причине его неоспоримых заслуг в воссоединении Германии, несмотря на то, что он был профессором многих немецких университетов, несмотря на его выдающуюся публицистическую деятельность и выступления в пользу создания новой базы интересов в российско-германских отношениях, проф. Дашичев впал в немилость у немецкой "лицензионной" прессы. Его ясная система духовных и моральных координат придавала ему силы, чтобы не низкопоклонничать перед "служителями Левиафана". Он вел себя мужественно!».

Я воспринял гибель Советского Союза как величайшую социально-политическую катастрофу и трагедию XX столетия. Я сожалел и негодовал, что поиски более справедливого в политическом, экономическом, социальном, национальном и моральном отношении общественного устройства окончились неудачей. Возможно, думал я, это было следствием того, что материальные и духовные предпосылки для такого исторического поворота в развитии человечества еще не созрели и Россия опередила, скажем, на сто лет такой поворот в сторону от капитализма. Это обстоятельство объясняет, почему социалистические идеалы, искаженно понятые и интерпретированные, проводились у нас в жизнь с применением жестокого насилия и произвола, почему в России возник социализм с «тоталитарным лицом», почему ее развитие с 1917 года сопровождалось разрушительными социально-политическими экспериментами и нескончаемой смутой.

Но позитивный и негативный опыт построения социализма в России, взятый в совокупности, вошел в сокровищницу политической истории, теории и практики человечества и, несомненно, будет еще востребован новыми поколениями людей. Он является «гордостью великороссов», свидетельствует о большой духовности русского народа. Хочется верить, что человечество еще придет к поискам нового политического и

социально-экономического устройства, свободного от «капиталистических ценностей», не совместимых по своей сути с моралью и нравственностью и не имеющих будущего.

В 1991 году я с радостью согласился на предложение профессора Берлинского свободного университета Ханнелоры Хорн прочитать на ее кафедре политических наук курс лекций о советской внешней политике в период перестройки и об отношениях Восток-Запад. Моя лекционная деятельность была продолжена в последующие годы в Мюнхенском и в Маннгеймском университетах.

Находясь в Германии, я считал своим долгом обратить внимание ее политических кругов и широкой общественности на антидемократический, антинациональный характер режима Ельцина, его пагубный экономический курс, на искаженное изображение этого режима в западных средствах массовой информации. Это нашло отражение во многих моих публикациях в центральных немецких газетах и в выступлениях по телевидению.

В «Воззвании к германской общественности», подписанном мною совместно с Львом Копелевым, Юрием Афанасьевым, Вадимом Белоцерковским, Сергеем Ковалевым, Григорием Водолазовым и другими представителями российской интеллигенции и опубликованном во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (19 декабря 1996 г.), а также в «Дойч-руссише цайтунг» (2/1997 г.), говорилось: «С горечью и возмущением мы наблюдаем, как германское правительство всеми мыслимыми способами поддерживает возникший в нашей стране антидемократический режим во всех его жестоких и противоправных действиях и как большая часть немецких средств массовой информации вольно или невольно пытается не замечать глубокий кризис, охвативший Россию.

Мы не можем себе представить, что германское руководство недостаточно информировано об этом кризисе. Многие люди в России подозревают даже, что Запад, в том числе Германия, оказывают Ельцину безоговорочную поддержку, потому что надеются с его помощью окончательно низвести

Россию в ранг слабосильных государств. При решительном осуждении и угрозе экономических санкций со стороны демократических государств команда Ельцина едва ли решилась бы в период с октября по декабрь 1993 г. ниспровергнуть конституцию и установить авторитарный режим, развязать чудовищную войну в Чечне и провести антидемократические выборы, что предопределило эскалацию кризиса в России.

Катастрофа развивается своим ходом — только так можно характеризовать теперь положение в нашей стране. Экономическая политика касты вокруг Ельцина и Черномырдина превратила тонкий слой старой коммунистической номенклатуры и "новых русских" в невообразимо богатых, ввергла подавляющую часть промышленности в состояние застоя, а большинство населения — в бедность. В отношениях собственности пропасть между классом богатых и бедных ныне намного глубже, чем та, которая вызвала в прошлом Октябрьскую революцию».

Это воззвание осталось без последствий. В проведении курса на ослабление России и разрушение ее государственности была прямо заинтересована американская правящая элита. Она с легкостью навязывала свою российскую политику западноевропейским сателлитам. О характере и целях этой политики я написал в феврале 1997 года аналитическую записку «Откуда идет угроза национальной безопасности России». Поскольку президенту или правительству направлять ее было бессмысленно, я представил ее на рассмотрение Председателя Совета Федерации Е.С. Строева. Он нашел записку важной и распорядился передать ее для публикации в газету «Рабочая трибуна». В апреле она была напечатана.

Пробуждение новых надежд

Назначение Путина преемником Ельцина 31 декабря 1999 года было воспринято мною с некоторой сдержанностью и сомнениями. Были веские основания рассматривать его как ставленника «семьи». Ведь никто иной, как Ельцин, назначил его в 1998 г. сначала на ключевой пост директора

ФСБ, затем в 1999 г. Председателем Совета безопасности РФ и, наконец, Председателем правительства РФ. Значит, думаю, он пользуется полным доверием и поддержкой Ельцина и стоящих за ним сил. Чего же тогда можно было ожидать от нового президента? — спрашивал я себя. Продолжения разрушения России? Или устранения того громадного ущерба, который был нанесен ей режимом Ельцина? Насколько Путин способен действовать суверенно, будучи в плотном кольце назначенцев Ельцина? Обладает ли он достаточными мудростью, знаниями и искусством государственного управления, а главное — силой воли и необходимым политическим честолюбием, чтобы проводить самостоятельную политику и думать о том, какой след он оставит в истории России? Будет ли он решительно и непоколебимо отстаивать наши национальные интересы, которым смертельно угрожает политика глобального господства правящей элиты США? Кто он — слуга олигархического капитала или приверженец социальной справедливости, а может быть, борец за народное благо, которому не чужды социалистические идеи? Все эти вопросы не давали мне покоя. И до сего времени я не смог найти четкого ответа на многие из них. Со временем, однако, стали очевидны большие сдвиги в положительную сторону по сравнению с годами разрушения России при Ельцине.

В отличие от Ельцина, образ Путина внушил мне, как и подавляющему большинству наших граждан, надежды. Интеллигентность, динамизм, умение говорить, знание языков, общительность, патриотический настрой — все это импонировало.

В его актив я записал спасение России от полного развала, угрожавшего стране в 2000 году после «царствования» Ельцина. Была восстановлена вертикаль российской власти. Но это было полдела. Главное — в чьих интересах она будет использоваться? Россия без сильной, волевой и обладающей мощными финансовыми и материальными ресурсами власти обречена на деградацию, распад и не может противостоять внешним угрозам. А после падения Советского Союза угрозы

ее суверенитету и независимости стали даже большими, чем в Великую Отечественную войну.

Русский народ невозможно победить, когда он знает, кто его враг и кто угрожает его существованию. Тогда он быстро самоорганизуется и самоотверженно защищает свою свободу. Но в 90-е годы Россия столкнулась с хорошо замаскированной ползучей угрозой разрушения государственности, экономического и оборонного потенциала страны и ее «тихого завоевания» извне. Для американского олигархического капитала было очень важно превратить Россию в вассала США, как это случилось после 1945 года с Германией и другими странами Европы. Военные средства для этого, естественно, не годились. Они играли роль некоего вспомогательного фона. Основной упор был сделан на финансовые диверсии и подрывные методы ЦРУ — финансирование создания разветвленного «американского лобби», подкуп лиц из административных структур, прямой или косвенный шантаж политических деятелей, имеющих крупные суммы денег на иностранных счетах, создание финансируемых из США неправительственных организаций и фондов, влияние на кадровую политику в угодном США направлении, расшатывание федеральных структур России и СНГ.

Путин проявил государственную мудрость, что позволило ему в противоборстве с поборниками нео- (вернее, анархо-) либерализма, приверженцами рыночной стихии, невзирая на окрики из-за океана, покончить с этой разрушительной практикой. Вызывает только недоумение, почему он не смог избавиться от таких министров- неолибералов, как Греф, Кудрин, Зурабов и Фурсенко, при которых реальный сектор экономики не развивается и остается на уровне 1990 года, кровные народные деньги из стабилизационного фонда направляются на развитие экономики США, социальная сфера находится в плачевном состоянии, наука и образование сознательно приводятся в упадок. Все это происходит, несмотря на массовые протесты широкой общественности и демарши крупных ученых и специалистов.

К достижениям правления Путина можно отнести восстановление в правах нашей российской истории, русского патриотизма, значения нашей победы в Великой Отечественной войне, русских военных традиций и трудовых свершений народа. При Ельцине все это было предано поруганию или забвению. Путин правильно счел необходимым помочь народу освободиться от громадного психологического и духовного шока, поразившего его душу после развала Советского Союза, после утраты жизненных идеалов и жизненной перспективы. Государству удалось частично заполнить возникший духовный вакуум с помощью религии. Однако подавляющая масса людей все еще не имеет духовных ориентиров, испытывает глубокое разочарование от свалившегося на нее внезапно нового образа жизни с присущими ему преступностью, коррупцией, безнравственностью, громадной социальной дифференциацией, бездуховностью и засильем американской низкопробной поп-культуры.

При Путине, к счастью, начались первые подвижки в деле оттеснения олигархов от государственной политики и природной кормушки. Выдворены из страны «крестный отец» Кремля Березовский, медиамагнат Гусинский и др. Ходорковский угодил в тюрьму за криминальные дела. До этого он чуть было не продал свой «Юкос» американским магнатам, которые, как заявила бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, считают несправедливым, что Сибирь с ее богатствами принадлежит только России. Обращает на себя внимание, что вокруг Ходорковского не стихают пропагандистские страсти, раздуваемые правящими кругами США, их приспешниками в странах ЕС и в определенной части российских СМИ.

Будет ли эта политика Путина продолжена? Избавится ли Россия от олигархического капитала, которому чужды интересы страны и народа?

Как это ни удивительно, в России до сего времени отсутствует обшая долгосрочная стратегия экономического развития. В результате, страна все более превращается

в энерго-сырьевой придаток Европы, США и Китая, а при этом большая часть домов российского населения остается не газифицированной. Ничего не делается, чтобы радикально изменить структуру народного хозяйства и слезть, наконец, с нефтегазовой «иглы».

Используя исключительно благоприятную конъюнктуру на мировом рынке нефти и газа, Россия могла бы совершить за десять прошедших лет гигантский рывок в экономическом развитии, в освоении новых технологий, в создании дорожной инфраструктуры, в модернизации всего народного хозяйства. Это все пошло бы на пользу нашим благодарным потомкам. Их будущее было бы обеспечено. И что же? Громадный капитал, заработанный на экспорте газа, нефти и сырья и сосредоточенный в стабилизационном фонде, наше правительство запретило инвестировать в подъем и модернизацию собственной экономики. Он предназначен на покупку ценных бумаг за рубежом, в основном в США. Так не может поступать правительство, заботящееся о национальных интересах России, о ее будущем. Кроме того, вливание финансовых средств в американскую экономику связано с большим риском. По данным западной статистики, за последние 30 лет товарная масса на мировом рынке увеличилась в 4 раза, а денежная масса в 90 раз, главным образом за счет ничем не обеспеченных бумажных долларов. По мнению экономических экспертов, это тревожное положение неизбежно выльется в мировое финансовое потрясение. Оно не оставит и следа от российского стабилизационного фонда, если его средства будут вложены в американскую экономику.

Меня, как человека, отдавшего большую часть жизни научной деятельности, глубже всего волнует правительственная политика в области науки. Наука ныне — это основа развития и главная производительная сила общества. От ее состояния зависит в буквальном смысле настоящее и будущее России. Она должна быть в числе приоритетных задач правительства. Но жизнь показывает, что это далеко не так. О науке даже не упоминается в пяти государственных программах развития, утвержденных президентом. Это очень показательно!

Фактически, российскую науку открыто и цинично разрушают. Ученые оказались самой низкооплачиваемой категорией российских граждан. Разве имеет будущее страна, где зарплата профессора и доктора наук в два-три раза ниже, чем у дворника?! А у рядовых научных сотрудников и того меньше! Разве можно смириться с тем, что Российская академия наук, один из величайших мозговых центров мира, на протяжении последних пятнадцати лет деградирует? На 70 % сократилось ее финансирование по сравнению с советскими временами. Упраздняются целые отрасли исследований. По некоторым данным, с 1992 года Россию покинули, спасаясь от нищеты, около 400 тыс. ученых и крупных специалистов различных, в основном высоко котирующихся научных отраслей. Получается, что Россия готовит в своих вузах квалифицированные научные кадры для США и других стран. Разве не удивительно, что с 1992 года ни правительство, ни администрация президента не пользуются услугами АН при решении злободневных проблем экономики, внутренней и внешней политики? В советское время отдел внешнеполитических проблем ИЭМСС, которым я руководил, почти каждую неделю получал задания от ЦК, правительственных и СЭВовских структур, других учреждений, чтобы представить свои соображения и предложения по тем или иным вопросам международной жизни. С 1992 года я не помню, чтобы руководители страны обращались к нам с такими заданиями.

В противовес АН созданы многочисленные центры («эффективной» политики, стратегических исследований, национальной безопасности, экономических исследований, глобалистики и пр.), неизвестно кем и в каких объемах финансируемые. Они возглавляются, за редким исключением, мало компетентными людьми и выполняют преимущественно пиаровские функции.

Американская угроза и как с нею бороться

Что касается внешней политики, то в актив Путина можно отнести, как представляется, отход от «игры в подав-

ки», от сервиллизма и угодничества ельцинского режима перед США и поворот лицом к российским национальным интересам. Но делается это весьма вяло, непоследовательно и противоречиво. С моей точки зрения, с самого начала нового президентства Путина следовало бы более решительно сказать народу правду о тех геополитических угрозах, которые несет для России политика господства США. Наше руководство использовало фигуру умолчания в оценке ключевых позиций американской политики, что нанесло только вред, поощряло США на проведение новых антироссийских акций. Это напоминало некий вариант «мюнхенской политики». Если Ельцин приветствовал в середине 90-х годов расширение НАТО на Восток, то после 2000 года молчаливое принятие появления войск и военной техники, создания инфраструктуры для размещения противоракетного и ядерного оружия НАТО в Прибалтике, Польше, на черноморском побережье Болгарии и Румынии было, на мой взгляд, большой ошибкой нашей политики и нанесло серьезный ущерб безопасности России.

В этом случае необходимо было выступить с решительным протестом против расширения НАТО до «большой зоны» России и принять ряд эффективных контрмер, способных отрезвить американских «ястребов» и их европейских вассалов. Например, заявить, что в ответ на выдвижение ударных сил НАТО к российским границам будут размещены наши оперативно-тактические и стратегические ядерные ракеты в западной части России и Белоруссии и что они будут нацелены на страны НАТО, угрожающие безопасности России, а также, во изменение прежних соглашений с американцами, — на Вашингтон, Нью-Йорк и другие американские города и объекты.

Странно сознавать, что наша внешнеполитическая пропаганда совершенно не касалась вопроса о том, зачем, собственно говоря, вообще существует НАТО, если Европе никто не угрожает? Для чего в Германии размещены 50 тыс. американских и 20 тыс. английских солдат и ядерное оружие? Почему не ставится вопрос в ООН и на международ-

ных конференциях о прекращении чудовищной гонки вооружений США, военные расходы которых — более 500 млрд долларов — составляют половину мировых военных расходов и далеко превзошли высшую планку «холодной войны»? Почему вместо того, чтобы дезавуировать НАТО как главный инструмент господства США в Европе, мы заключаем с этим альянсом соглашения о стратегическом партнерстве, проводим с ним совместные учения? Вспоминается в связи с этим, как в сентябре 1939 года советские и гитлеровские войска провели во Львове совместный парад, которым командовал генерал Гудериан...

В моем представлении, с резким протестом следовало бы выступить против возводимого против России «санитарного кордона», создания антироссийской организации ГУАМ, против вовлечения Украины и Грузии в НАТО. Эти жизненные для нашей безопасности вопросы должны были быть поставлены Россией на рассмотрение в СБ ООН и ГА ООН, что имело бы громадное влияние и на общественное мнение стран Западной Европы, особенно Германии, где, по опросам общественного мнения в 2005 и 2006 годах, 80 % граждан осудили экспансионистскую и чрезвычайно опасную политику администрации Буша.

Надо отдавать себе полный отчет в том, что если Украину вовлекут в НАТО и американцы получат возможность разместить свое противоракетное и ядерное оружие вдоль российско-украинской границы, например, около Воронежа, Россия утратит свой потенциал ядерного сдерживания и ответного ядерного удара.

Ныне Россия оказалась в намного более опасном геополитическом и геостратегическом положении, чем накануне Великой Отечественной войны. В отличие от тех времен, когда наш народ был един, сейчас в стране действуют влиятельные проамериканские силы, располагающие крупными финансовыми средствами.

Впервые Россия столкнулась и с совершенно необычной для нее европейской ситуацией. В XX веке европейцы про-

играли Европу американцам. В результате двух «горячих» и одной «холодной» мировых войн, резко ослабивших европейские державы, хозяином на европейском континенте стали Соединенные Штаты. Ялтинские и Потсдамские соглашения, расколовшие Европу и разделившие Германию на оккупационные зоны, оказались чрезвычайно выгодными для Америки и ущербными для интересов Советского Союза. Потсдам был крупной ошибкой и просчетом Сталина. Он закрепил надолго политическое и военное присутствие США в Европе и позволил им подчинить своей воле сначала западноевропейские, затем восточноевропейские страны. После этого начался новый этап экспансии США – расширение зоны их господства на страны СНГ. Завершением этой экспансии должна стать Россия. За овладение ею США ведут ожесточенную борьбу, в которую им удалось вовлечь практически все страны Европы, включая Украину, Грузию и Молдавию. На очередь поставлены другие постсоветские республики. Американцы надеются, что в случае их успеха сбудутся слова Збигнева Бжезинского: «Кто владеет Евразией, тот владеет всем миром». Цель США состоит не только в том, чтобы подчинить себе Россию, но и в том, чтобы овладеть ее природными богатствами. Включение Украины в НАТО рассматривается как важнейшая ступень в достижении этой цели.

Есть очень хорошее изречение: «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*» (Времена меняются, и мы изменяемся с ними). Да, время постоянно налагало на меня свой отпечаток. Но неизменными для меня всегда оставались фундаментальные политические, научные и нравственные ценности: достоинство и честь, приверженность правде, демократии и социальной справедливости, чувство ответственности перед своим народом и перед своей совестью, нетерпимость к любому гнету, откуда бы он ни исходил.

И.И. Орлик,
М.П. Стрелетова

ЛЕОН
ЗАЛМАНОВИЧ
ЗЕВИН.
Путь в армии
и в науке

Л.З. Зевин относится к числу наиболее ярких ученых, работающих в Институте экономики РАН, ранее – в Институте международных экономических и политических исследований РАН, с которым связана большая часть его интересной, насыщенной событиями жизни.

Доктор экономических наук, профессор Леон Залманович Зевин родился в 1922 году в Самарканде. С 1940 по 1960 год служил в рядах Советской Армии. В 1954 году окончил с отличием Военный институт иностранных языков Советской Армии по специальности референт-переводчик. Ветеран Великой Отечественной войны. Воевал на Карельском фронте, участвовал в десантной операции в Иране, минометчик, разведчик бригады морской пехоты. Имеет правительственные награды: 3 ордена, 18 медалей, воинское звание – полковник в отставке.

Леон Залманович неохотно рассказывает о тяжелых военных годах, но за время более 50-летнего пребывания в Институте все же поделился с коллегами воспоминаниями о некоторых эпизодах своей военной биографии.

Первое боевое крещение он получил во время морского десанта в Иране, с высадкой вблизи города Пехлеви. Морскую

часть операции пришлось «возглавить» нескольким курсантам, успешно закончившим первый курс Высшего военно-морского училища. На палубе несамоходной буксируемой баржи разместился конный эскадрон таких же «зеленых» красноармейцев. В момент подхода к берегу десант подвергся атаке нескольких «Мессершмиттов-109», полученных иранским правительством от Германии. Эта боевая операция осталась в памяти молодого курсанта как самое яркое событие за все время войны: совершенно незащищенная поверхность палубы и рвущиеся за борт беснующиеся кони, которых с трудом удерживали красноармейцы, пулеметные очереди, раздирающие душу крики, лошадиный храп. Свободные руки были только у курсантов, и молодые солдаты начали стрелять по самолетам, похоже, даже не целясь. Минут через 15–20 налет повторился. Стрельба по самолетам, которые почему-то не снижались для проведения атаки, была совершенно беспорядочной, но приглушала чувство страха. Как выяснилось позже, обе стороны, к счастью, воевать не умели: иранские летчики на данном участке не нанесли сколько-нибудь ощутимого ущерба противнику, а вторая серия винтовочных выстрелов курсантов не повредила самолеты, оказавшиеся советскими, с запозданием пришедшими на помощь.

Относительно уверенно молодой офицер стал себя чувствовать на войне только с начала 1943 года, когда Советская Армия по-настоящему научилась воевать, а солдаты и командиры отвыкли от мысли об отступлении.

Второй любопытный эпизод военной биографии Леона Залмановича относится к географии: он начал воевать на самой южной точке советско-германского фронта, а закончил на Крайнем Севере. В начале декабря 1941 года 77-я Морская стрелковая бригада, где служил будущий ученый, прибыла в Москву, но в Московской операции не участвовала, была в резерве, затем бригада была направлена на Кандалакшский участок Карельского фронта. В 1945 году владеющего немецким языком Л.З. Зевина отправили в Берлин, где он четыре года работал в Советской военной администрации в Германии.

Интересны также эпизоды, связанные с его работой референтом по культуре Советской военной администрации земли Тюрингия, главным городом которой в то время был Веймар — культурный центр всей Германии. Молодой капитан, не получивший какого-либо системного образования, кроме десятилетней школы, проведший почти 4 года в северных лесах, оказался в сложной ситуации: к нему обратились представители новой немецкой власти с предложением уничтожить экспонаты музея известного немецкого философа Фридриха Ницше, которые были эвакуированы во время войны в одно из укрытий в горных районах Тюрингии. Мотивировка была следующая: Ницше — идеолог фашизма, поэтому в соответствии с курсом на денацификацию «весь этот мусор» надо уничтожить. Первым побуждением было согласиться и дать разрешение на уничтожение (о Ницше в то время молодой офицер знал совсем немного). Но, наверно, сработали интуиция и здравый смысл — Леон Залманович посоветовал не только оставить архив, но и тщательно его охранять.

По инициативе Л.З. Зевина Тюрингию избрали в качестве эксперимента для создания «Общества по изучению культуры Советского союза», которое после создания ГДР и подписания мирного договора было преобразовано в «Общество дружбы СССР и ГДР». Работа в Веймаре, городе Гете и Шиллера, встречи и общение с немецкими писателями, художниками, артистами, технической интеллигенцией стали для Леона Залмановича подлинным университетом жизни и уже тогда пробудили в нем интерес к науке.

После демобилизации в 1961 году Л.З. Зевин поступил на работу в Академию наук, где продолжает трудиться и сегодня. Леон Залманович прошел все ступени научного кадрового роста — от младшего до главного научного сотрудника, работал ученым секретарем Института, заведующим сектором. В 1964 году защитил кандидатскую, в 1972 году докторскую диссертации, с 1983 года — профессор. С 1973 по 1990 год был экспертом международных экономических организаций ООН: ЮНИДО, ЮНКТАД, МОТ, ЮНЕСКО.

Сфера научных интересов Л.З. Зевина — проблемы экономических отношений стран различного уровня развития и социального устройства, оценка эффективности таких отношений для каждой из сторон или групп стран. Результаты исследований в этом направлении были обобщены в монографии «Страны различного уровня развития в мировом хозяйстве: проблемы экономических отношений». Под руководством Леона Залмановича в Институте была разработана «Методика определения эффективности торгово-экономических отношений социалистических и развивающихся стран с целью их вывода на уровень взаимной выгоды».

В ряде теоретических работ и расчетов экономической эффективности была доказана, вопреки широко распространенному мнению о невыгодности расширения торгово-экономических отношений с этими странами, возможность получения экономического эффекта для страны-донора даже при условии предоставления партнерам значительных кредитов на льготных условиях! Эффект возникал за счет расширения объемов торговли и поставок при погашении кредитов продукции, собственное производство которой обошлось бы значительно дороже по сравнению с импортом или было просто невозможным по объективным причинам. Полученный в результате такого взаимодействия эффект перекрывал потери от неполного возврата кредитов. К тому же рост экономического взаимодействия с названной группой стран вносил существенный вклад в совершенствование структуры отечественного производства в результате роста машинно-технического экспорта (в среднем 20–25 % объема вывоза этой товарной группы). Такая методика использовалась государственными организациями при разработке программы экономических отношений нашей страны со средне- и слаборазвитыми государствами.

С начала 90-х годов Л.З. Зевин активно исследует влияние глобализации на формирование национальных экономик трансформирующихся стран. Результатом проведенных исследований стали научные доклады о специфике экономического

развития России в 90-х годах. Ученым подготовлено несколько докладов о характере глобальных процессов в мировой финансовой сфере, о взаимодействии России и других стран СНГ с международными экономическими и финансовыми организациями – МВФ, ВБ, ЕС, ВТО – в переходный период, а также работы по проблемам внешнего долга бывшего СССР и России и методах его урегулирования. Им опубликованы научные доклады «Модель экономического развития России в эпоху глобализации: роль внешнего фактора» (ИМЭПИ РАН, 2000) и «Экономические структуры разного уровня в глобальных процессах: особенности взаимодействия».

Нетрадиционный подход к проблемам экономической глобализации позволил Л.З. Зевину выдвинуть положение о наличии в ней двух разновекторных процессов – объединения и фрагментации, а также показать, что утверждения о безусловном доминировании первого не подкрепляются фактами: за последние 40–45 лет число страновых экономических структур удвоилось, крайне неравномерно протекают сами процессы глобализации, продолжается расслоение по уровням доходов между государствами севера и юга, а также внутри средне- и слаборазвитых стран, финансовая сфера отрывается от реального сектора и становится самодостаточной, обостряются противоречия между региональными экономическими объединениями. Перед лицом глобальных вызовов, лежащих вне пределов контроля национальных экономик, приходится отказаться от упрощенного понимания экономической глобализации как процесса, регулируемого исключительно критериями эффективности мирового хозяйства: регулирование и управление этим процессом, очевидно, будет осуществляться в результате сложного переплетения интересов на глобальном, региональном, субрегиональном и национальном уровнях, в результате деятельности различных интеграционных объединений, международных экономических и финансовых организаций, конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков. Следовательно, существенно будет отличаться характер интеграции экономических

структур различного уровня в мировое хозяйство. Типичным для мелких и средних структур будет *интеграция* в мировые хозяйственные структуры, а для крупных страновых и экономических группировок – *взаимодействие* с ними.

В последние годы научные интересы Л.З. Зевина сконцентрированы на исследовании проблем организации постсоветского экономического пространства и влияния глобальных процессов на характер экономического взаимодействия стран СНГ на двусторонней и многосторонней основе.

Анализ развития успешных в исторической перспективе экономических структур и характера глобальных процессов позволил Л.З. Зевину сделать вывод о том, что Россия не сможет вернуть себе статус великой экономической державы без организации всей или большей части постсоветской территории на условиях, адекватных глобальным вызовам. Для преодоления отставания от развитых государств, выхода на устойчивую траекторию роста необходимо формирование рынка порядка 300 млн потребителей. В современных условиях структура подобного масштаба способна к развитию преимущественно на основе собственных ресурсов при высокой степени открытости внешнему миру и сохранении способности противостоять внешним шокам. Такими структурами являются ЕС (с восточным приращением), НАФТА, а также проект ЗСТ обеих Америк, Меркосур, АСЕАН, крупные страны (США, Китай, Индия, в прошлом Советский Союз). Для России это делает императивом организацию в том или ином формате с заинтересованными соседними и приграничными странами крупной экономической структуры, способной в более отдаленной перспективе стать одной из системообразующих частей глобализирующегося мирового хозяйства. За вклад в науку и научно-производственную деятельность Л.З. Зевину присуждена Государственная стипендия, он руководит научными грантами РГНФ (1996, 1999, 1999–2000, 2001–2003 гг). Под его руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации и получили дипломы 15 российских и иностранных ученых. С 1992 года

Л.З. Зевин принимает активное участие в оказании консультативной поддержки органам исполнительной и законодательной власти: отдельным комитетам Государственной думы, Центральному банку, Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации.

В целом за более чем 50 лет научной деятельности Л.З. Зевиным опубликовано около 50 научных трудов общим объемом 400 печатных листов, в том числе 4 индивидуальные монографии и более 20 коллективных, а также статьи, доклады. Его работы печатались в США, во Франции, Великобритании, Германии, Канаде, Швейцарии, Индии, Болгарии, Венгрии и в других странах.

Л.З. Зевин и в настоящее время является организатором и лидером многих теоретических направлений, разрабатываемых в Институте.

В январе 2003 года Леону Залмановичу была вручена правительственная награда – Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Л.З. Зевин является не только крупным ученым, но и прекрасным человеком. Люди, знающие его не один десяток лет, не могут вспомнить ни одной ситуации, при которой он «потерял бы голову» или просто повысил голос. Эти особенности характера, возможно, спасли жизнь ему и его фронтовым товарищам в трудные военные годы, сыграли немалую роль в научных достижениях, способствовали преодолению трудностей, которые встречаются на пути каждого ученого.

Ученики и коллеги Л.З. Зевина всегда отмечают его здравомыслие и адекватное видение явлений окружающей жизни. Не исключено, что данное качество также явилось одним из «факторов выживания» в суровые военные годы, когда неумение правильно оценить обстановку могло стоить человеку жизни. Не меньшую роль оно сыграло и в научной карьере. Как известно, достичь успехов на этом поприще невозможно без правильного понимания изучаемых проблем и способности делать реальные и обоснованные выводы, которые подтверждаются самой жизнью.

Удивляет работоспособность Л.З. Зевина. Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать истину, что война — это, прежде всего, тяжелый и опасный труд. Л.З. Зевин с честью прошел испытание этим трудом и в стремительных атаках, и в многочасовом «спокойствии» в разведке.

Еще одна черта характера, которая выделяет Л.З. Зевина, — это доброжелательное отношение к людям. Никогда он не смотрел на своих подчиненных ни на фронте, ни в военной администрации, ни на флоте, ни в академическом институте «сверху вниз». Его отношение к человеку никогда не определялось воинским чином или академическим званием. Он мог уважать рядового больше, чем генерала, а аспиранта больше, чем профессора, если они того заслуживали.

Жизнь не баловала Л.З. Зевина: и на заре юности, и в зрелые годы, и в преклонном возрасте ему приходилось испытывать тяжелейшие удары судьбы, но он остался чистым и благородным человеком, сохранил веру в людей и оптимистический взгляд на мир.

Сильная натура Л.З. Зевина оказала немалое влияние на членов его семьи. Очевидно, есть закономерность в том, что «потомки» и в первом, и во втором поколении избрали специальностью международную экономику. Дочь уже давно кандидат экономических наук, внучка и внук также связали свою жизнь с экономической наукой. Таким образом, Леон Залманович еще и основатель династии экономистов-международников.

И.С. Маслова

ЕВГЕНИЙ
ИВАНОВИЧ
КАПУСТИН.
Видный
ученый-экономист

Сегодня, когда Великая Отечественная война все дальше уходит в глубь истории, когда подвиг народа-победителя вытесняется из системы ценностей молодого поколения массивной атакой стереотипов новой «культурной» и «сексуальной» революции, наш долг – собрать по крупицам и сохранить память о тех, кто воевал и достойно прожил послевоенные годы, являя образец высокого и плодотворного служения Отечеству. Этот очерк посвящается одному из таких людей, внесшему существенный вклад в развитие российской экономической науки.

В 2001 году научная общественность отметила славный юбилей – 80-летие Евгения Ивановича Капустина – видного российского ученого-экономиста, доктора экономических наук, профессора, члена-корреспондента РАН. Это юбилей доблестного воина и преданного гражданина России. Е.И. Капустин является одним из крупнейших специалистов в области экономической теории распределительных отношений, организации заработной платы и материального стимулирования, он занимался разработкой критериев и обоснованием путей повышения уровня жизни, экономикой и научной организацией труда, эконо-

мическими проблемами образа жизни, прогнозами социально-экономического развития.

Евгения Ивановича отличали такие черты характера, как чувство долга, высокая ответственность, преданность делу, порядочность, надежность, трудолюбие, открытая гражданская позиция, честность, прямота, бескомпромиссность. Эти качества были заложены семьей, советской школой, фронтовыми годами юности, патриотическим духом экономического факультета МГУ, где он учился в послевоенные годы.

Евгений Иванович родился 24 октября 1921 года в рабочей семье. Родители всегда поощряли его стремление к знаниям, а бабушка с бабушкой привили любовь к земле и физическому труду. Он хорошо учился, интересовался литературой и живописью, много читал. В довоенные годы на Сухаревке было много книжных магазинчиков, где продавались подборки периодических изданий разных лет по живописи и художественной литературе. Евгений Иванович любил бывать в таких местах, покупал книги и марки, тратя на это скромные ученические деньги, которые родители давали на завтраки. Часть этих приобретений хранится в семье до сих пор. В школьные годы Евгений Иванович увлекался спортом и общественной работой, в нем рано обнаружились черты лидера и твердость характера. После окончания московской средней школы в 1939 году он поступил на экономический факультет Института философии, литературы, искусства.

Учеба была прервана призывом в Красную Армию — молодого бойца направили в полковую школу зенитного полка. Во время войны с Финляндией его перевели в кавалерийское училище. Это была непростая служба: шагом ходить нельзя — только бегом, необходимо было научиться джигитовке, владению карабином и пашкой. Можно представить, как трудно было московскому юноше научиться всему этому. Но Женя справился. Первый год — взыскания и дежурства на конюшне, второй год — благодарности. Такая наука не прошла бесследно, она закалила характер молодого человека, помогла ему и в годы Великой Отечественной

войны, и в годы его научной деятельности стойко преодолевать трудности.

В 1941 году перед самым началом военных действий кавалериста Е.И. Капустина перевели в танковое училище в белорусском городе Борисове. В результате быстрого наступления немецких войск курсанты оказались в тылу врага. Пришлось прорываться до Орши. Держали оборону в Смоленске, затем были направлены в Саратов. Там Евгений Иванович получил звание лейтенанта. Однако танков для новых офицеров не было, и они по приказу командования отправились в Сибирь, где создавались кавалерийские корпуса: двадцатилетнему командиру взвода пришлось объезжать лошадей и обучать солдат искусству конника.

Затем начались тяжелые фронтовые будни — вначале в кавалерии, потом — в танковой части. Евгений Иванович прошел трудными дорогами Западного, Волховского и Ленинградского фронтов. Он был командиром взвода, помощником начальника штаба кавалерийского полка и заместителем командира 421-го отдельного танкового батальона 29-й танковой бригады. В своих воспоминаниях командир батальона, полковник Василий Иванович Ежаков, дал высокую оценку личным качествам своего начштаба. Особо он отметил активность, общительность молодого офицера, его любовь к порядку, распорядительность, умение рассчитывать и взвешивать каждый шаг. Он также подчеркивал, что капитан Капустин, будучи офицером штаба, лично водил танкистов в бой.

В 1942 году Евгений Иванович получил пулевое ранение, после которого вернулся в строй, но в 1944 году в бою под Новгородом отважный начальник штаба, справившись, как всегда, с поставленной задачей, получил тяжелое осколочное ранение в область сердца. Его провезли через 5 медсанбатов, а в госпитале положили под лестницу и забыли. Только через некоторое время обнаружили, что капитан-танкист жив, и тогда им занялись медики. Евгений Иванович не расставался с мыслью о возвращении на фронт. Комбриг, навестивший его в госпитале, сообщил Капустину, что бригада должна получить

тяжелые танки. Евгений Иванович все-таки смог уговорить врачей и вернулся в часть. С энтузиазмом взялся он за дело, но через несколько дней во время обкатки нового танка потерял сознание и был повторно направлен в госпиталь. Теперь врачи были непреклонны и Евгения Ивановича комиссовали.

Ратный подвиг Е.И. Капустина отмечен высокими воинскими наградами: орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II-ой степени и медалями. Особое место среди наград занимает медаль «За оборону Ленинграда».

Война еще продолжалась, а для Евгения Ивановича начался в жизни новый этап: молодой человек вернулся на первый курс созданного на базе Института философии, литературы, искусства (ИФЛИ) экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Руководители факультета высоко ценили фронтовиков и опирались на них в работе со студентами-выпускниками школ.

На экономическом факультете МГУ в тот период царил атмосфера подъема. После войны общественные науки вызывали у молодежи большой интерес. Лекции читали видные ученые-экономисты И. Блюмин, В. Мотылев, К.В. Островитянов, А.И. Пашков, Д.И. Розенберг, С. Татур, Б. Урланис. Активная общественная работа, творческие дискуссии на семинарах, шефская работа в колхозах формировали в студенческой среде факультета дух коллективизма, высокой активности и гражданственности. Этому во многом способствовали бывшие фронтовики. Благодаря усилиям педагогов и увлеченных наукой талантливых выпускников, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации, шаг за шагом начала складываться университетская школа политической экономии. Евгений Иванович стоял у истоков ее формирования, что навсегда определило его неразрывную связь с родным факультетом.

Окончив экономический факультет МГУ с отличием, Евгений Иванович поступил в аспирантуру и в 1953 году, после защиты кандидатской диссертации, стал преподавать политическую экономию на факультете. В 1964 году защитил диссертацию на соискание степени доктора экономических

наук и получил звание профессора. На всех этапах профессиональной деятельности в центре его научных интересов всегда были человек, его потребности и интересы, сфера труда, вопросы уровня и качества жизни. Над этими проблемами работал он сам и его ученики — студенты и аспиранты, а в дальнейшем — крупные научные коллективы под его руководством.

Е.И. Капустин являлся выдающимся педагогом. Самые зримые плоды его труда как профессора — молодые таланты, замеченные, выращенные и выдвинутые им из числа выпускников МГУ и защитившихся аспирантов. Многочисленные его ученики ныне входят в плеяду высококвалифицированных преподавателей вузов, специалистов-теоретиков и практиков в области экономики.

Вся творческая жизнь Евгения Ивановича Капустина как профессионала связана с тремя организациями: Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, включая НИИ труда, и Институтом экономики Российской Академии наук.

В разные периоды в МГУ Е.И. Капустин работал заведующим кафедрой политической экономии гуманитарных факультетов, заместителем заведующего кафедрой политической экономии естественных факультетов, заведующим кафедрой экономики труда на экономическом факультете. Будучи профессором кафедры социально-экономических проблем, Евгений Иванович читал несколько спецкурсов и на общественных началах руководил аспирантами. Он принимал деятельное участие в подготовке учебников по политической экономии, среди которых и «Курс переходной экономики», вышедший под редакцией Л.И. Абалкина.

Какие бы посты и должности Евгений Иванович ни занимал, он никогда не порывал с МГУ и лекторской работой, потому что считал важным научить молодых людей понимать глубинные основы процессов общественной жизни, роль экономики в развитии общества. Чтение

лекций, руководство курсовыми работами и дипломными проектами, подготовкой кандидатских диссертаций, организация учебного процесса — все это он делал увлеченно, с полной отдачей сил и таланта, оставляя добрую память у тех, с кем соприкасался по работе.

Много сил Евгений Иванович отдал государственной службе. С 1955 года, работая в Государственном комитете СССР по труду и социальным вопросам в качестве заместителя начальника сводного отдела, он внес существенный вклад в решение ряда кардинальных проблем экономики государства. Ученый активно участвовал в разработке принципов и механизма установления минимальной заработной платы (доклад обсуждался у председателя Совета Министров СССР), пятидневной рабочей недели (доказал, что производительность труда не уменьшается, если у людей появляется больше времени для отдыха). Работы Е.А. Капустина способствовали переходу от массового механического пересмотра норм труда к установлению норм в соотношении с внедрением новой техники. Ученый доказал необходимость введения единой тарифной системы (разработанные им принципы используются и сегодня); обосновал важность применения коллективных форм организации и оплаты труда, на которых и сейчас могут базироваться коллективная заинтересованность и коллективная ответственность; а также разработал положения о соревновании и состязательности, составляющие базу для трудовой конкуренции.

Е.И. Капустин сыграл выдающуюся роль как организатор науки, руководитель крупнейших в стране научно-исследовательских учреждений — Института труда и Института экономики. В 1965 году, став директором НИИ труда, Евгений Иванович проявил недюжинные способности при формировании научного потенциала института и привлечении к сотрудничеству высококвалифицированных специалистов. В результате Институт труда превратился в один из научных центров страны. С 1958 по 1962 год Е.И. Капустин работал заместителем директора, а с 1965 по 1971 год — директором.

За это время коллективом института были разработаны методологические основы исследований многих проблем экономики труда. Институт принимал участие в разработке материалов, связанных с подготовкой и проведением экономической реформы 60-х годов, объективная необходимость которой уже ощущалась в обществе. Научный коллектив занимался исследованиями таких важных в условиях полного хозрасчета проблем, как материальная заинтересованность трудовых коллективов предприятий в конечных результатах производства, эффективное использование коллективных (бригадных) форм организации труда и материального стимулирования, участие работников в управлении производством.

Немало ценных положений было разработано и в области научной организации труда, планирования (в том числе по факторам) уровня жизни и т. д. Например, подготовленные в институте требования к разработке, проектированию производственных зданий и сооружений, внедрению новой техники и технологий с позиции условий труда, эргономики, здоровья работников могли бы иметь важное значение, если бы были оформлены в виде закона.

Многие научные разработки не потеряли своей актуальности и в современных условиях. Так, плюрализм форм собственности никоим образом не исключает активного участия трудовых коллективов в управлении производством, в том числе в принятии управленческих решений, о чем свидетельствует опыт, накопленный в странах с развитой рыночной экономикой. Эта форма производственной демократии имеет большое экономическое и социальное значение, поскольку за ней – будущее.

По инициативе Евгения Ивановича Капустина были созданы филиалы НИИ труда на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в восточных регионах Российской Федерации (Владивосток, Иркутск, Красноярск, Новосибирск).

Во второй половине 60-х годов были заложены основы творческого сотрудничества Института труда с исследовательскими научными коллективами в странах-членах СЭВ,

сохранявшиеся до начала 90-х годов. За четверть века сотрудничества было проведено большое число совместных научных исследований по актуальным проблемам труда и социальной политики.

Много сил вложил Е.И. Капустин в подготовку молодых кадров на базе аспирантуры, обучение в которой прошли многие ведущие сотрудники Института труда и его филиалов, что позволило создать собственный научный потенциал, обеспечивший работу института на многие последующие годы. Для молодого поколения ученых, работающих в НИИ труда, Е.И. Капустин был настоящим руководителем, учителем и воспитателем. Не только высокий уровень профессиональных знаний, которыми он щедро делился со своими коллегами и учениками, но и внимание к людям, доброжелательность в сочетании с необходимой требовательностью, прежде всего к себе, помогали становлению многих научных работников, которые затем руководили подразделениями института. Как научный руководитель, Евгений Иванович требовал от молодых ученых ответственного отношения к работе и анализу полученных результатов, прививал навыки самостоятельного обобщения собранной информации, формулирования выводов и предложений. Он всегда был готов поделиться своими идеями по той или иной проблеме, подсказать методы ее исследования.

Особым этапом в творческой жизни Б.И. Капустина стал переход на работу в систему АН СССР. С 1971 по 1986 год ученый возглавлял Институт экономики АН СССР. После критики со стороны директивных органов направлений работы и теоретических позиций сложившейся в институте школы политической экономии социализма для коллектива начался непростой период. В такое трудное для института время Евгений Иванович сумел не только сохранить основные научные кадры, но и привлечь к работе большое число молодых ученых — выпускников экономического факультета МГУ. Были организованы школы молодых ученых, в которых читали лекции и проводили семинары ведущие научные

сотрудники института. Причем «школы» проводились как в стенах самого Института экономики, так и в научных институтах страны: в Санкт-Петербурге, Владимире, в бывших союзных республиках (Грузии, Армении и др.).

В своей творческой работе коллектив Института экономики РАН сотрудничал с Советом Министров СССР: готовились материалы докладов для председателя правительства по принципиальным позициям социально-экономического развития страны, материалы для разработки пятилетних планов, а также обобщались результаты исследований по отдельным экономическим проблемам. За участие в подготовке экономической реформы Институт экономики АН СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В то же время тесная и плодотворная работа с Советом Министров СССР вызывала неодобрение со стороны ЦК КПСС, что проявилось при обсуждении доклада о деятельности Института на заседании секретариата ЦК и нашло свое отражение в последовавшем за ним известном постановлении.

Е.И. Капустин как директор Института экономики большое внимание уделял подготовке крупных монографических работ, обобщающих результаты научных исследований, проводимых в институте. Под редакцией Е.А. Капустина были изданы такие книги, как «Экономика развитого социалистического общества. Основные черты и закономерности развития»; «История социалистической экономики» в 7-ми томах (в 1982 г. работа удостоена Государственной премии СССР); «Совершенствование отношений распределения».

Особо следует отметить фундаментальный трехтомный коллективный труд по политической экономии «Экономический строй социализма». Как бы мы не относились сейчас к экономической истории советского периода, следует признать, что в этом трехтомном труде обобщены результаты развития советской экономической мысли, отражающие положительные и отрицательные тенденции социально-экономического развития социалистического общества. Многие положения этого фундаментального исследования, на

наш взгляд, необходимо учитывать и при анализе процессов современной экономики.

Большое внимание в Институте экономики уделялось разработке теоретических и методологических проблем труда. Создание специальных отделов, работающих в этом направлении, позволило сконцентрировать усилия ученых на исследовании актуальных проблем в данной области. Были подготовлены доклады и монографии по вопросам трудовых ресурсов, эффективности, характера и содержания труда, заработной платы, специфики труда в непроизводственной сфере, экономики образования и др.

Рассматривая научную деятельность Евгения Ивановича Капустина, направления научного поиска, проблемы, которые интересовали его как исследователя, методы и подходы к их решению и даже сам дух его научной работы, можно обнаружить определенную тенденцию в ориентации экономических исследований, традиционно свойственную российской школе экономической мысли. Это — учет общегосударственных интересов экономического развития, гармонизация социальных, в том числе классовых отношений, обеспечение повышения уровня материального благосостояния населения, определение места человека в системе экономических отношений, развитие демократизации управления как экономикой в целом, так и отдельным предприятием, отношения коллективности.

Не случайно по инициативе Евгения Ивановича, в бытность его директором, в Институте экономики АН СССР (позднее РАН) был создан ряд новых исследовательских направлений: социалистический образ жизни, уровень потребления, социалистическое соревнование, трудовые ресурсы и др.

Социальные требования к развитию общества ставились Е.И. Капустиным на первое место в научных разработках. Все практические предложения были подчинены задаче улучшения жизни населения. Ученый любил повторять: «Лишь то общество можно признать хорошим, где большинству людей живется хорошо».

Можно назвать еще одно интересное предложение Евгения Ивановича, которое, к сожалению, не нашло применения при социализме: он разработал систему отмены налогов с физических лиц. Поскольку все люди в советский период работали у одного работодателя, взимание подоходного налога выглядело бессмысленным. Можно было просто на эту величину уменьшить заработную плату. Думается, и сегодня эта идея актуальна для государственных служащих и всей бюджетной сферы. Логичнее было бы, чтобы налоги платил частный сектор.

Е.И. Капустиным опубликовано около 400 научных трудов общим объемом свыше 500 печатных листов, среди его работ монографии, статьи в различных научных журналах, в том числе в журналах «Социалистический труд» и «Вопросы экономики», 6 брошюр, вышедших в издательстве «Знание», статьи в «Экономической газете». Е.И. Капустин был ответственным и научным редактором 45-ти крупных коллективных монографий (из них в 27 принимал участие как автор).

В рамках социального императива особый интерес представляют его идеи и разработки, изложенные в двух монографиях: «Качество труда и заработная плата» и «Социалистический образ жизни. Экономический аспект». Каждая из этих работ внесла весомый вклад в экономическую науку.

Евгения Ивановича можно признать основателем нового научного направления — исследование проблем уровня и качества жизни. Он впервые в экономической науке всесторонне рассмотрел вопросы качества труда, в том числе определения общественно необходимого времени для подготовки рабочих кадров требуемой квалификации. Выход в свет его монографии «Качество труда и заработная плата» (1964) был значительным событием в научной жизни страны. На базе теоретических разработок в этой книге сформулированы практические предложения по совершенствованию механизма начисления заработной платы, построению Единой тарифной сетки, дифференциации заработной платы по районам страны. Книге была присуждена Ломоносовская премия МГУ.

Е.И. Капустин разработал ряд новых положений по весьма важной экономической и социологической проблеме — социалистический образ жизни. В его монографии на эту тему впервые системно освещены основные методологические принципы исследования социалистического образа жизни, дана формулировка сущности социально-экономической категории образа жизни. Особое внимание уделено анализу экономических аспектов образа жизни, исследованы условия его возникновения и развития. Рассмотрено соотношение категорий «образ жизни» и «уровень жизни». В монографии предложена система показателей, характеризующих как условия формирования образа жизни, так и собственно его параметры.

Основная идея книги состоит в том, что трудящиеся в обществе, достойном одобрения (то есть социалистическом), должны быть подлинными хозяевами общественного производства. Конечно, Евгений Иванович по понятным причинам не мог говорить и писать, что в 70-е годы в СССР не было условий для воспитания чувства подлинного хозяина производства. Однако он выдвинул и развил положение о подлинном хозяине.

Следует остановиться еще на одном. В российской общественной традиции, в том числе и в экономической мысли, всегда особое значение придавалось отношениям коллективности или общинности хозяйственного поведения. К этому, кроме всего прочего, располагали своеобразные географические и климатические условия страны. Приоритетность коллективистского начала в хозяйствовании предопределили не только народники и народнические экономисты, но и евразийцы и в значительной мере — русские социалисты. Принцип коллективности присущ всем этапам развития отечественной экономической мысли. Одним из наиболее последовательных и глубоких его разработчиков был Е.И. Капустин. Традиции экономических исследований нашли отражение в своеобразной трактовке «социалистического соревнования» и главное — в изучении проблем участия трудящихся в управ-

лении производством, которым Евгений Иванович уделял исключительно большое внимание. Здесь надо отметить чрезвычайно интересные и плодотворные идеи в области демократизации планирования, организации труда, заработной платы, например, демократизацию планирования как форму участия трудящихся в управлении производством. Основная заслуга в разработке этого вопроса принадлежит Е.И. Капустину, сформулировавшему принципы формирования «встречного плана», отражающего индивидуальные возможности превышения среднеотраслевых норм. Причем предлагалось этот план, идущий «снизу», принимать не после утверждения государственного плана в форме пресловутых социалистических обязательств, а учитывать в самом процессе составления государственного плана. Однако эта теоретическая разработка практического применения в то время не нашла.

Евгений Иванович как ученый был убежден, что развитие рынка необходимо дополнять решением социальных проблем. С этой целью, по его мнению, надо изменить идеологию государственной экономической политики. Важно признать, что рынок, будучи хорошим механизмом, может быть, даже идеальным для максимизации экономической эффективности, получения максимальной отдачи с вложенного в дело рубля или доллара, не в состоянии обеспечить условия для цивилизованного общественного устройства. Поэтому, скажем, социал-демократическое направление во многих европейских странах (можно напомнить, что в 14 из 15 стран Европейского союза у власти находятся социалисты) ограничивает рынок, «загоняет» его в определенные цивилизованные рамки, постепенно социализирует общество. Изменение идеологии экономического курса правительства заключается не в отказе от рыночной экономики (это просто невозможно), а в признании того, что рынок не идеал и его надо разумно социализировать. Для этого и необходимо развивать исследования социальных и трудовых проблем, на чем постоянно акцентировал внимание Е.И. Капустин.

Одно из последних направлений научного поиска — изучение проблемы социальной защиты неполных семей. Евгений Иванович на основе анализа материалов обследований, проведенных в Московской области, выступил с предложением разработать и принять на федеральном уровне, уровнях субъектов Федерации и местного самоуправления социальную программу помощи детям из неполных семей и потерявшим родителей. Он предложил отдельной строкой в бюджетах разных уровней выделять финансирование социальной помощи неполным семьям, находящимся за чертой бедности. Ученый акцентировал внимание на необходимости создания дополнительных рабочих мест для членов неполных семей, подчеркивая, что социальная помощь может быть эффективной лишь тогда, когда она будет адресной, конкретной, индивидуальной.

Е.И. Капустин был не только крупным ученым и организатором науки, но и активным общественным деятелем. Он, как признанный высококвалифицированный ученый, избирался заместителем академика-секретаря Отделения экономики АН СССР; в течение 10 лет был членом президиума ВАК; являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям; многие годы активно работал в составе редколлегии журналов «Вопросы экономики», «Социалистический труд», а также в качестве председателя и члена ученых советов на экономическом факультете МГУ, в Институте труда, Институте экономики РАН.

Много внимания Евгений Иванович уделял работе в международных организациях: являлся членом совета Института социально-экономических отношений МОТ; ежегодно участвовал во встречах с директорами институтов экономики стран СЭВ; был заместителем руководителя общества «СССР — Финляндия».

Научная и общественная деятельность Евгения Ивановича Капустина отмечена высокими правительственными наградами: двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Октябрьской революции, «Знак почета».

Он лауреат Государственной премии, награжден медалью имени М.В. Ломоносова.

Евгений Иванович — одаренный человек, он любил людей, жизнь, искусство. Друзья высоко ценили его талант художника-пейзажиста. Он собственными руками построил два дачных дома, увлекался дизайном и цветоводством. В силу трагических обстоятельств, оставшись один, Евгений Иванович вырастил двоих детей, помогал растить внуков.

Евгений Иванович многое успел сделать за свою долгую жизнь. Удивительно, какой же силой духа надо обладать, чтобы выдержать все испытания войны, тяжелейшее ранение и так много создать в послевоенные годы. Секрет его плодотворной деятельности — в раннем возмужании и взрослении личности, в закалке характера в молодые годы испытаниями военных лет, которые выработали у Евгения Ивановича Капустина способность подходить к любому делу ответственно, с позиций, подкрепленных знаниями и жизненным опытом, выполнять любые обязанности, основываясь на требовательном отношении к себе и к людям. В отличие от следующих поколений, к 25-ти годам он уже приобрел опыт руководителя, твердо знал, чего хочет. Верность принципам, неприятие лавирования, смелость, честность, прямота и сильная воля, сформировавшиеся во фронтовые годы, помогали Евгению Ивановичу преодолевать жизненные трудности и объединять вокруг себя коллег и учеников.

Из поэмы Бориса Комиссарова «Русская идея» (отрывок)

Случай

«Ты говоришь про случай...

Случай дик! Со мной был дикий, но счастливый случай», —

Так начал наш директор (фронтовик), —

«Я был на фронте в общем-то везучий.

Под Ленинградом... Двигаюсь леском

Вдруг немец! Встреч не ожидали оба.

Инстинкт сработал. И одним прыжком
Метнулись — и в воронке, вглубь сугроба.
Лежим и караулим: кто — кого?
Чьи нервы подведут — тому и крышка.
Я б все равно пересидел его, но надоело мне.
Я, как мальчишка, поднялся —
И в атаку! в полный рост!
Он застрочил. Мой полушубок рвался.
А я иду!! И ужас и вопрос в его глазах.
Он поднял руки. Сдался».

На наших лицах было: «Как же так?»
Директор был доволен впечатленьем
И пояснил: «Наверно, он, чудака,
Считал меня божественным явлением.
Тут просто случай, как ни погляди.
Наш мир устроен без чудес, ребята!
Под полушубком были на груди
Привязанные диски автомата».

Мы подивились. Если случай спас,
То чем не чудо? Даже лучше чуда!
Но тут директор завершил рассказ,
Чтоб знали мы, что нет добра без худа:
«Ох, с этим пленным я потом хлебнул!
Водил весь день и сдал уж ближе к ночи...»
Один из нас, Володька, тут ввернул
В том духе, что, мол, цацкались очень.

«А ты себе как это представлял?
Взял и убил? — директор усмехнулся. —
Он пленный же!» — «Но он же в Вас стрелял!»
«Да ну тебя...» — замолк и отвернулся.

ЛЕОНИД
ИВАНОВИЧ
НЕСТЕРОВ.

Дороги войны и мира
российского солдата
Второй мировой

Леонид Иванович Нестеров, 1925 г.р., ветеран Великой Отечественной войны, доктор экономических наук, профессор Московского экономико-статистического института, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской Академии наук.

Ранней весной 1943 года в «неполные восемнадцать мальчишеских лет» я оказался на Южном фронте рядовым красноармейцем 17 Отдельного линейно-кабельного батальона связи (ОЛКБС). Этот батальон действовал на участке Тагинская– Лихая–Ростов, в основном вокруг Лихой – важного узла железных дорог и линий связи между Сталинградом и Ростовом, а также между Ростовом и Москвой. Передовая в то время проходила по руслам рек Миус и Кальмиус в направлении на Ворошиловград и далее на северо-запад. Велись упорные позиционные бои, и готовилось наступление наших войск по освобождению Донбасса и Украины. Только что был восстановлен этот важный узел, на который каждую ночь сбрасывалось огромное количество бомб самого разного калибра, в том числе мелких, предназначенных для разрушения линий специальной связи. Утром можно было насчитать до 20 воронок между столбами линий связи ставки Верховного

главнокомандующего. Приходилось восстанавливать разрушения, а над нами появлялись «рамы» — немецкие самолеты, пулеметы которых стреляли по солдатам-связистам на столбах и на земле. Таким образом, ночью мы устанавливали временную связь, а днем — «постоянку». Упорная борьба связистов обеспечивала непрерывность работы линий ВЧ-связи с Москвой. Так выросли бывшие школьники.

Наш батальон побывал на 2-ом и 3-ем Украинских фронтах, налаживая связь при проведении военных операций по освобождению Донбасса и форсированию Днепра, Корсунь-Шевченковской операции и выхода на государственную границу. Сражаясь в частях 2-го Белорусского фронта, наш батальон участвовал в операциях «Багратион» и «Бобруйский котел», восстанавливал связь в Белоруссии, а также на линиях Ленинград—Одесса и Москва—Могилев—Гомель.

В начале 1945 года три месяца мне пришлось провести в эвакуогоспитале Могилева, а в конце апреля я получил двухнедельный отпуск домой и в Москве встретил незабываемые майские дни и Парад Победы в июне 1945 года. Мой ратный труд отмечен многими медалями и Орденом Отечественной войны.

Послевоенную срочную службу (до мая 1950 года) я проходил сержантом «золотого запаса» уже в частях (770 и 33 ОЛКБС) Московского военного округа, учась одновременно в 97 школе рабочей молодежи г. Москвы.

Выйдя на «гражданку», я работал электриком на заводе и сдал экзамены в Московский государственный институт международных отношений, который успешно окончил в 1956 году и получил направление в ЦСУ СССР. Как молодой специалист я принимал участие в проведении сопоставления статистических показателей развития различных государств (в то время правительство готовилось «догнать и перегнать США» и другие развитые капиталистические страны). Эта работа определила всю мою дальнейшую судьбу не только в системе ЦСУ Госкомстата СССР, но и в науке. Двигаясь по служебной лестнице от экономиста и началь-

ника отдела статистики капиталистических стран до заместителя начальника управления статистики зарубежных стран, закончил заочно аспирантуру и в 1961 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Статистические методы сопоставлений капитальных вложений СССР и США», на основе материалов которой в 1965 году была опубликована монография «Капитальные вложения СССР и США». В качестве советского сотрудника Статистического отдела Секретариата ООН (советника и заместителя директора отдела в 1956–1971 гг.), представителя СССР на совещаниях и конференциях по статистике мне довелось побывать в разных странах, в частности в Таиланде, Филиппинах, Японии, а также в ранге советника – на Кубе и в Эфиопии. Одновременно я продолжал научную деятельность в НИИ Госкомстата СССР и работу над докторской диссертацией «Методологические проблемы международных сопоставлений показателей общественного богатства», которая была защищена в Московском экономико-статистическом институте в декабре 1989 года, а в мае 1990 года ВАК СССР присудил мне ученую степень доктора экономических наук.

Многие годы отданы научно-исследовательской и преподавательской работе, преимущественно обучению студентов МЭСИ. Курсы лекций по статистике зарубежных стран, международной статистике, таможенной статистике, статистике валютно-финансовых операций читаются с 1990 года, а опыт преподавания этих дисциплин обобщен в различных учебных пособиях. Важным является подготовка аспирантов, успешно защищено уже 7 кандидатских диссертаций. Член советов МЭСИ и Института экономики РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций. Такая деятельность отмечена выданным в 1972 году ВАК СССР аттестатом старшего научного сотрудника по специальности «статистика», а также присвоением в 1995 году Госкомитетом РФ по высшему образованию ученого звания профессора МЭСИ по кафедре макроэкономической международной статистики и национального счетоводства.

Таковы главные этапы жизненного пути российского солдата, прошедшего дорогами войны, восстанавливавшего разрушенную экономику и воспитавшего достойных учеников.

Во время работы в ЦСУ СССР выпала серьезная задача попытаться обобщить имеющиеся статистические оценки потерь человечества от мировых войн. Кропотливые многолетние исследования и критический анализ богатых цифровых материалов и методологии их оценок в разных странах позволили отобрать и опубликовать важнейшие сводные оценки таких потерь. В статьях в журнале «Вопросы статистики» к 45-летию и к 50-летию Дня Победы нашли отражение размышления автора о выявленных результатах борьбы героического советского народа, внесшего самый весомый вклад в достижение этой победы и спасшего человечество. В этих цифровых данных показана значимость результатов происходившего жестокого противоборства прогрессивного человечества с коричневыми ордами фашизма, угрожавшего порабощением всех народов мира. Важность таких оценок усиливалась потому, что в те годы разворачивалась «холодная война» с гонкой вооружений и попытками подвергнуть сомнению значимость героических усилий и потерь советского народа в борьбе с фашизмом при отсутствии обещанного союзниками «второго фронта» в Европе. Тогда же стали распространяться утверждения, что СССР заплатил за войну неоправданными жертвами, и предпринимались попытки внести сомнение в мировое общественное мнение относительно значимости вклада СССР в разгром гитлеровской Германии.

До сих пор продолжаются многочисленные споры, в которых приводятся различные цифровые выкладки о «цене войны» и масштабах потерь, которые якобы возможно было избежать. Прежде всего спорят о масштабах потерь военнослужащих во второй мировой войне, особенно на советско-германском фронте. Причиной таких споров послужил известный факт: И.В. Сталин в 1945 году заявил, что потери военнослужащих СССР составили 7 млн человек. Затем в выступлениях советских руководителей

послевоенного времени и в официальных статистических публикациях приводилась цифра в 8,6 млн советских военнослужащих. Но и эта цифра уточнена российскими исследователями С.Н. Михалевым и В.П. Елисеевым, которые говорят о 9,2 млн военнослужащих. Такие разночтения возникают в результате использования различных методов учета воинских потерь не только в СССР, но и в Германии и в других странах, принимавших участие в этой войне.

Однако гораздо больше споров велось и ведется относительно масштабов общих потерь населения в Великой Отечественной войне. Впервые такие цифры были названы в 60-х годах Н.С. Хрущевым, а затем приводились в официальных публикациях: количество погибших увеличилось с 20 млн до 27 млн человек. Причем последняя оценка детально обоснована Генштабом нашей страны в книге «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М.: Воениздат, 1993. 415 с.). Правда, время от времени, по мере появления новых документальных свидетельств производятся определенные уточнения, особенно в оценках потерь военнослужащих.

Между тем в печати и выступлениях ряда известных деятелей появляются «сенсационные» данные о людских потерях нашей страны во время Второй мировой войны. Можно упомянуть ряд выступлений и печатных работ А.И. Солженицына, в которых вначале приводится оценка погибших военнослужащих на советско-германском фронте в 44 млн человек, а затем это количество уменьшается до 31 млн погибших красноармейцев («Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995). На эти оценки ссылаются многие политические деятели не только в России, но и за рубежом. Невольно возникает вопрос: зачем писателю понадобилось опровергать известные факты? Достаточно вспомнить, что к 22 июня 1941 года население СССР составляло 195,3 млн человек, а к началу 1946 года – 157,2 млн. Разница составляет 38,1 млн человек, среди которых убитые, умершие, пропавшие без вести, мигрировавшие в другие страны и пр., включая погиб-

ших военнослужащих. Известно также, что к 1994 году в 700 томах «Книги памяти», что находятся на Поклонной горе, перечислены фамилии 17,5 млн наших воинов. В таком случае из 38,1 млн на гражданское население приходится 20,6 млн человек, включая погибших в лагерях ГУЛАГа.

Время от времени добровольные поисковые группы все еще находят останки погибших и узнают даже имена некоторых из солдат, продолжая скорбный список Вечной памяти второй мировой. Помимо этого готовятся поименные «Книги памяти» погибших военнослужащих СССР в других войнах и конфликтах на территории других стран.

Уточнение людских потерь во второй мировой войне производится до сих пор в Германии и других странах. По всей вероятности, к 70-летию Дня Победы будут уточнены безвозвратные потери как военнослужащих, так и гражданского населения. Эмоциональные всплески отдельных известных людей, к сожалению, уводят от сути решения задачи по определению фактических военных потерь и «цены войны». Вполне очевидно, что установление числа потерь, которые понесли народы СССР, позволяет объективно определить, каков их вклад в общую победу народов мира над фашизмом.

С проблемой оценки людских потерь в определении «цены войны» связана и проблема денежной оценки ущерба, нанесенного военными действиями накопленному национальному богатству: зданиям, сооружениям, запасам товаров, жилищ и домашнего имущества семей, природным ресурсам, знаниям, опыту работников — всему тому, чем обладают народы для удовлетворения своих самых разнообразных потребностей и улучшения своего благосостояния. Однако не во всех странах экономисты и статистики ведут учет такого имущества в полном объеме, не говоря уже об его денежном измерении. Поэтому при определении материальных потерь от военных действий как в отдельных государствах, так и по их группам весьма затруднительно даже для того, чтобы предъявить нападавшим странам претензии на контрибуции. Тем не менее, учеными разрабатываются специальные мето-

ды оценки таких потерь как для отдельных стран, так и для групп воюющих сторон — коалиций.

В начале XX века лишь некоторые экономисты стали оценивать ущерб, нанесенный в результате первой мировой войны национальному богатству своей страны, одной военной коалиции и даже всех воевавших стран. Такие оценки, в частности, проводились по заказу Лиги Наций в 1926 году К. Джини, известным исследователем национального богатства. После второй мировой войны оценки материального ущерба от военных действий производились в большинстве стран, на территории которых велись военные действия, в частности, в СССР в годы войны действовали чрезвычайные комиссии по определению ущерба от военных действий. Но эти оценки производились в денежных единицах соответствующих стран по довоенным ценам и у Международной комиссии по репарациям возникла проблема, как их соотнести и вывести общий итог. Для решения этой задачи было предложено перевести полученные суммы в доллары США в соответствии с содержанием национальных валют в 1939 году. На такой методологической основе выведены сводные оценки военных потерь материальных активов в воевавших странах и в мире.

Бывшему солдату предоставилась возможность изучить произведенные оценки материальных потерь многих стран как по их национальным источникам, так и сводные оценки по миру в целом. Результаты предпринятых исследований нашли отражение в уже упомянутых статьях в журнале «Вопросы статистики», где изложен критический анализ опубликованных данных и осуществлен отбор наиболее вероятных, на наш взгляд, соотносимых с другими показателями, например, инвестиционной деятельности стран и ресурсов их экономик. Долг ветерана и исследователя-экономиста состоял в том, чтобы выявить масштабы «цены войны» для человечества. Не все задачи проводимого исследования удалось решить, требовалась дополнительная информация, а также выявление механизма воспроизводственных процессов, роли в них накопления и его масштабов в рамках отдельных стран.

Но особо важным представлялось выявить взаимосвязь накопления и потребления в рамках такой экономической категории, как «национальное богатство».

Работа с зарубежной и отечественной статистической информацией, сравнение значений показателей позволили выявить важнейшие тенденции и закономерности развития не только отдельных стран и регионов, но и мира в целом. Такая информация имела и имеет особенно важное значение при разработке программ социально-экономического развития нашей страны и всех стран, входивших в «мировую систему социализма».

Результаты исследовательской работы сотрудников ЦСУ СССР часто некорректно использовались чиновниками от науки и идеологическими руководителями страны для «разоблачения буржуазных концепций», обоснования «скорого достижения победы социализма».

В работе многих совещаний и комиссий, доказана некорректность таких прогнозов, в которых с помощью цифровых выкладок рисовались радужные перспективы социализма и его окончательной победы над капитализмом, назывались даты начала «бесплатного проезда» в общественном транспорте, получения всеми семьями отдельных квартир и даже время создания основ коммунизма. Надо отдать должное позиции бывшего начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского, который отстаивал более реалистичные прогнозы, подготавливаемые коллективом специалистов его ведомства. Эти прогнозы основывались на сопоставимых показателях «двух мировых систем», ежегодно публиковавшихся в служебном сборнике «Социалистические страны и страны капитализма», и отражавших реальный ход «соревнования» с капиталистическими государствами.

Важнейшим направлением исследований развития России, других стран и сегодня остается разработка методологических подходов к решению комплекса задач исчисления и сопоставления показателей элементов национального богатства в соответствии с расширительной концепцией, чему посвящены авторские публикации последних лет.

Обобщение информации с опорой на расширительную концепцию позволило специалистам Института экономики РАН осуществить экспериментальные оценки результатов накопления в мире на начало XXI века. Предварительные результаты таких экспериментальных расчетов представлены в следующей таблице.

Национальное богатство в мире на начало XXI века

Группы стран	Национальное богатство		По видам капитала (в процентах к итогу)		
	Всего, трлн долл. США	На душу населения, тыс. долл. США	Человеческий	Природный	Воспроизводимый
Мировой итог	550		66	16	18
из него					
Страны «семерки» и ЕС	275	360	78	4	18
Ораны ОПЕК	95	195	47	37	16
Страны СНГ	80	275	50	38	12
в т.ч. Россия	60	400	50	40	10
Прочие страны	100	30	65	15	20

Приведенные данные являются первой попыткой оценить национальное богатство — реальные ресурсы, которыми располагают народы мира для своего социально-экономического развития в начавшемся веке. Выведенные значения показателей элементов богатства, естественно, будут уточняться, но несомненно, что получена важная исходная база для расширения сравнительного экономического анализа. Прежде всего, данные таблицы позволяют судить о значимости имеющейся базы ресурсов по важнейшим группам стран. Наиболее развитые страны обладают половиной накопленных ресурсов, среди которых около 4/5 составляют накоплен-

ные знания, уровень образования и опыта ведения хозяйства в этих странах, но в них природных ресурсов — лишь 4%, которые, однако, определяют внешнеторговую политику этих государств. Во-вторых, можно выделить группу стран-членов ОПЕК с основными ресурсами углеводородного сырья, но почти половину ресурсов этих государств составляет «человеческий капитал». В-третьих, страны-члены СНГ обладают шестой частью накопленных ресурсов на Земле, почти половина которых сосредоточена в природных богатствах и человеческих ресурсах, важнейшем капитале этой группы стран.

В списке опубликованных автором работ насчитывается более 150 названий, в том числе монографии и главы в коллективных трудах, а также статьи и материалы в периодических отечественных и зарубежных изданиях, посвященные проблемам исчисления и сопоставления сводных социально-экономических показателей и построения их систем. Особое внимание уделено проблемам исчисления системы показателей, характеризующих результаты накопления материальных и нематериальных активов в нашей стране и за рубежом.

О достижениях в решении сложных проблем научной обоснованности исчисления элементов национального богатства неоднократно сообщалось на научных, научно-практических конференциях, совещаниях, проводимых статистическими организациями России и других стран.

Можно также отметить подборку, редактирование и выпуск тематических обзоров по проблемам статистики, помещенных в бюллетенях НИИ ЦСУ Госкомстата СССР за 1983–1985 годы, по эффективности НТП, качеству продукции, истории статистики в СССР, прогнозированию, использованию ЭВМ, созданию автоматизированных систем обработки статистической информации в зарубежных странах.

Таковыми основными вехами отмечен долгий путь от защитника Сталинграда до известного ученого. Главное пожелание нашим детям и внукам, принимающим у нас эстафету поколений, в любых испытаниях оставаться достойными памяти тех, кто отдал свои жизни за свободу и независимость Родины.

С.П. Глинкина,
М.П. Стрепетова

ИГОРЬ
ИВАНОВИЧ
ОРЛИК.
Партизан,
Фронтвик,
профессор

Ветераны Великой Отечественной войны, как правило, не очень любят рассказывать во всех деталях о пережитом ими в военные годы. Только отмечая очередной День Победы, вспоминают отдельные эпизоды, драматические ситуации. Да и это бывает в узком кругу друзей и близких коллег по работе. Вот и в данном случае краткий рассказ о боевом пути будущего профессора Игоря Ивановича Орлика «склеен» из его отрывочных воспоминаний, ответов на вопросы друзей, а также из двух опубликованных им документальных мемуарных очерков.

Игорь Иванович Орлик родился 4 ноября 1925 года в деревне Колбасное Рыбницкого района Молдавской АССР в семье сельского учителя Ивана Фотиевича Орлика, мама Вера Иосифовна работала медсестрой. Его детские и школьные годы прошли в небольшом городке Балта на севере Одесской области. Здесь в июне 1941 года застала его война.

Для 15-летнего Игоря Орлика, всего лишь несколько дней тому назад сдавшего последний экзамен за 8-й класс средней школы, война началась буквально с первого дня – 22 июня.

В тот же день жители города оборудовали бомбоубежища в заброшенных подвалах домов, большинство из которых

было построено из глинобитных кирпичей и вряд ли могло служить какой-либо защитой во время бомбежек, что подтвердилось при первом же вражеском авианалете.

К концу недели был сформирован истребительный батальон для поимки немецких диверсантов, регулярно забрасываемых по ночам в лес и поля за городом. Но что могли сделать безоружные ребята-старшеклассники (в том числе и Игорь Орлик), из которых в основном и состоял батальон, возглавляемый всего двумя вооруженными милиционерами?

Военные действия велись уже в 100–120 километрах от города, то есть в Молдавии, но сведений о них не было никаких. О том, что фронт приближается, стало ясно только недели через две, когда все население Балты было направлено на строительство оборонительных сооружений на западных окраинах города. Это были не линии окопов, а глубокие и довольно широкие, до 3–4 метров, противотанковые рвы. В течение нескольких дней одними примитивными домашними лопатами тысячи людей — и стар и млад — рыли многокилометровый противотанковый ров, который должен был сдерживать немецкие танки. Но весь этот тяжелый труд оказался напрасным: немцы вошли в Балту... с востока.

22 июля город подвергся жестокой бомбардировке. Ночью вместе с отступавшими красноармейцами толпы жителей, бросив все свое имущество, двинулись на восток, к Бугу, надеясь, что там, за рекой, они будут в безопасности. Если бы они ушли на два–три дня раньше, возможно, успели бы избежать страшных испытаний, которые им грозили. Но на все обращения к руководителям города и вопросы «Что делать?», «Как быть?» следовал грозный ответ: «Не паниковать! Паникеров арестовывать!»

А в то же время семьи городских начальников ночью тайком вывозились на восток, а за день до бомбежки Балты все руководство также тайно бежало, бросив население города на произвол судьбы, даже не предупредив о надвигавшейся опасности. Поэтому сотни и сотни людей в полном неведении и страхе после бомбардировки города покидали его по

проселочным дорогам, ведущим на восток, надеясь уйти от наступавших вражеских частей.

Но через несколько дней тяжелого пути надежды беженцев были разрушены. Пройдя пешком десятки километров, Игорь с матерью и двумя ее сестрами, вместе с тысячами балтских жителей были остановлены румынскими солдатами. Начался дикий грабеж, издевательства, а затем тяжелое возвращение в Балту.

Так закончилась эта неудачная эвакуация, и начался мрачный период (2 года и 8 месяцев) жизни и борьбы на оккупированной врагом территории. Это время Игорь Иванович называет своим «первым фронтом», так как именно тогда он вместе со своим старшим братом Виктором принимал активное участие в борьбе против оккупантов в составе довольно разветвленной Балтской подпольно-партизанской организации.

Спустя много лет, со скрупулезностью исследователя Игорь Иванович на основе не только своих воспоминаний, но и многочисленных архивных материалов и других документов опубликует большой очерк «В Балтском подполье». Этот очерк, посвященный памяти павших товарищей, рассказывает о героических подвигах и трагической судьбе многих балтских партизан – друзей и соратников Игоря Орлика.

Связной партизанского подполья Игорь Орлик выполнял опасные поручения руководителей организации, участвовал в подготовке ряда операций, в распространении среди населения сведений о положении на фронте, а затем и о победах советских войск, приближавшихся к Бугу. Он входил в молодежную группу организации, состоявшую в основном из бывших школьников и бежавших из плена молодых красноармейцев. Вот как в одном из документов подпольщиков характеризовались задачи группы: «сбор материальных средств, медикаментов, оружия, боеприпасов, радиоаппаратуры, радиодеталей; организация диверсий в тылу врага; подготовка базы партизанского отряда, накопление на базе боеприпасов, оружия, медикаментов, продоволь-

ствия и по команде — выступление против оккупантов». Это была лишь часть общей деятельности Балтской партизанской организации.

И почти все это было реализовано. Опорная база для вооруженной борьбы была создана в Лесничевском лесу, откуда группы партизан совершали смелые нападения на охрану железнодорожных постов, разрушали железнодорожные пути, выводили из строя семафоры и стрелки на станции Балта, устраивали аварии поездов, приводили в негодность авиа- и автомоторы, уничтожали фашистских офицеров и чиновников.

Шла борьба, которая сопровождалась тяжелыми потерями в рядах балтских подпольщиков. Погибло более пятидесяти партизан, в том числе и многие руководители Балтского подполья.

Через много лет, знакомясь в Одессе с архивными документами о деятельности Балтского партизанского окружка, Игорь Иванович нашел сведения и о балтском «партизанском фронте», к отдельным акциям которого был причастен и он.

Несмотря на потери, которые несли балтские подпольщики, в конце 1943 — начале 1944 года, по мере приближения советских войск к Одесской области, борьба партизан значительно активизировалась. Это подтверждали и донесения балтской румынской жандармерии: «Партизаны хорошо организованы и ожидают прорыва фронта»; «они обезоруживают жандармов и чиновников, прибывающих из Румынии»; «растут многочисленные диверсионные действия в Балтском уезде».

В январе 1944 года к северу от Балты, в Савранском лесу, был сформирован крупный партизанский отряд «Буревестник», насчитывавший более 700 человек. Там было много партизан из Балтского и соседних районов Одесской области. «Буревестник» наносил удары по отступавшим гитлеровцам. Фронт приближался к Балте. После ожесточенных боев 29 марта 1944 года город был освобожден.

И уже через два дня Игорь Орлик был направлен к линии фронта. Нужно было доставить на передовые позиции

тысячи единиц снарядов и другого вооружения. Это можно было сделать только вручную, то есть перенести на себе, так как ни грузовики, ни лошади, запряженные в повозки, не могли пройти по черноземному бездорожью. Игоря Орлика назначили командиром большого отряда из 200 человек, который ночью вышел из Балты по направлению к фронту. Каждый боец нес по одному – два снаряда. Таких отрядов было несколько. И хотя взрыватели у снарядов были сняты, не обошлось без неожиданных взрывов и жертв.

С этого задания начался период, который Игорь Иванович называет своим «вторым фронтом». Вскоре юный партизан был определен в 230-й армейский запасной стрелковый полк 53-й армии 2-го Украинского фронта. Путь молодого солдата, которому только-только исполнилось 18 лет, прошел через Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию и закончился в начале мая 1945 года под Прагой.

Участие в крупных боевых операциях тогда отмечалось благодарностями Верховного Главнокомандующего (они среди солдат назывались «сталинскими благодарностями»), справки о которых вручались каждому участнику боев.

У Игоря Ивановича сохранилось, кроме удостоверений к военным наградам, полтора десятка таких справок, по которым можно проследить весь его фронтовой путь. Вот благодарность «За отличные боевые действия в боях с немецкими захватчиками на подступах к Бухаресту», объявленная 31 августа 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего; в октябре благодарность получена за освобождение городов Клуж и Сегед; затем появляются благодарности с названиями венгерских городов, благодарности за «прорыв обороны противника и форсирование Дуная», «овладение городом Будапешт» 13 февраля 1945 г.; с начала марта 1945 года И.И. Орлик получает благодарности за взятие словацких городов (их много, наступление идет стремительно); 26 апреля – за освобождение Брно и, наконец, «за участие в героическом штурме и освобождении Праги» – это уже из удостоверения к медали «За освобождение Праги». Конечно, этот перечень

не дает представления о фронтовых буднях, изнуряющих многокилометровых маршах, опасностях, подстерегавших на каждом шагу, да и просто о трудностях солдатской жизни во время войны. Особенно тяжелыми были бои во время Яско-Кишиневского сражения, при осаде Будапешта, форсировании реки Грон под Брно и при штурме Праги. Но все это, как вспоминает И.И. Орлик, отодвинулось куда-то далеко с приходом Победы. Правда, через три месяца 230-й полк 53-й армии оказался в Монголии, откуда началось наступление против японских войск. После окончания войны с Японией И.И. Орлик служит в Забайкалье, в Сретенском пехотном училище, откуда и демобилизуется в конце 1946 года.

После демобилизации – работа и завершение учебы в средней школе. С сентября 1947 года И.И. Орлик – студент исторического факультета МГУ. Пять лет учебы у профессоров, имена которых сегодня звучат как легенда: М.Н. Тихомиров, С.Д. Сказкин, Б.А. Рыбаков, Е.В. Тарле, И.М. Майский. Да и сам курс набора 1947 года, на треть состоявший из бывших фронтовиков, оказался, как это ощущалось и тогда, незаурядным. В университете была создана благоприятная обстановка для формирования будущих научных работников. Многие из бывших сокурсников И.И. Орлика стали известными учеными, среди которых и три академика.

С января 1951 года (еще до окончания МГУ летом 1952 г.) и вот уже более 60-ти лет Игорь Иванович работает в Академии наук. После прохождения в Фундаментальной библиотеке общественных наук студенческой практики летом 1950 года его пригласили туда старшим библиографом. Здесь И.И. Орлик приобрел опыт работы с научной литературой по политическим, экономическим и социальным проблемам, в том числе и с литературой на иностранных языках, поскольку на достаточном для библиографа уровне знал три основных европейских языка, а также румынский и венгерский. Все это помогло при подготовке кандидатской диссертации по истории венгерского крестьянского движения, успешная защита которой состоялась в феврале 1956 года. Тогда же появились

первые научные публикации Игоря Ивановича: в шестом томе «Всемирной истории», в журналах «Известия Академии наук СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории».

Весной 1958 года И.И. Орлик получил интересное и престижное по тем временам предложение поехать на работу в Прагу заведующим отделом критики и библиографии международного журнала «Проблемы мира и социализма». Здесь Игорь Иванович приобрел знания и опыт исследователя современных международных отношений. Это была хорошая школа для молодого научного работника, недавно защитившего кандидатскую диссертацию. В составе первого коллектива редакции, возглавляемой известным ученым-экономистом (будущим академиком и вице-президентом Академии наук СССР) Алексеем Матвеевичем Румянцевым, были молодые, тоже тридцатилетние кандидаты наук (позже ставшие академиками, известными политиками): Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, К.Н. Брутенц, Т.Т. Тимофеев, А.А. Искандеров, Е.А. Амбарцумов, Л.П. Делюсин, В.В. Загладин, Ю.Ф. Карякин, Э. Араб-Оглы.

Все они составляли «ядро» советской части редакции. Конечно, в таком коллективе (а туда входили не менее интересные представители из других стран) было чему поучиться. Поэтому Игорь Иванович с особой теплотой вспоминает Прагу конца 50-х – начала 60-х годов, считая, что именно там, в «Проблемах мира и социализма» он из историка по образованию превратился в специалиста-международника, которому приходилось по роду служебных обязанностей вникать в сложные политические, экономические, социальные и другие общественные проблемы. Но главным образом – в международно-политические.

Кстати, многие его коллеги по работе в Праге также были по образованию историками, а позже стали специалистами более широкого гуманитарного плана. Очевидно, это было требование времени – времени, когда создавались новые направления в обществоведении. Не случайно именно тогда стали многоплановыми в научном отношении

институты Отделения экономики Академии наук СССР: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС).

С этими двумя институтами на протяжении почти 55-ти лет связана и жизнь, и творческая деятельность Игоря Ивановича Орлика.

В конце 1960 года заместитель директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцев предложил И.И. Орлику перейти на работу в институт. Там открывалась перспектива новых интересных исследований. С октября 1960 года И.И. Орлик возглавляет секретариат редколлегии фундаментального трехтомного труда «Международные отношения после второй мировой войны». Здесь Игорь Иванович работает под руководством директора ИМЭМО А.А. Арзуманяна и его заместителя Н.Н. Иноземцева, который возглавил редколлегию трехтомника. Среди авторов издания были уже сложившиеся ученые и молодые талантливые научные сотрудники: А.Г. Милейковский, Д.Е. Меламид, Д.Г. Томашевский, В.А. Тягуненко, В.В. Размеров, Ю.М. Мельников, Г.А. Арбатов, А.Д. Никонов, С.А. Микоян. Со многими из них у Игоря Ивановича завязываются не только тесные рабочие контакты, но и теплые дружеские отношения на долгие годы.

За время работы в ИМЭМО И.И. Орликом был подготовлен целый ряд публикаций по проблемам международных отношений в Восточной Европе и политике западных держав. Его монография, вышедшая в 1968 году, стала основой докторской диссертации «Основные этапы и направления политики западных держав в отношении социалистических стран Восточной Европы 1945–1969 гг.», защищенной в МГУ в апреле 1971 года.

И.И. Орлик первым среди отечественных ученых в комплексном монографическом плане приступил к исследованию отношений между западными державами и восточноевропейскими странами. Можно сказать, что он является основателем этого научного исследовательского направления.

Публикации И.И. Орлика привлекали внимание и высоко оценивались отечественными и зарубежными специалистами, отмечалось стремление их автора объективно осветить сложные международные проблемы в отношениях между Востоком и Западом. Это подчеркивали рецензенты не только из восточноевропейских стран, но и коллеги из западных государств. Так, в авторитетном научном американском журнале «Орбис» в 1971 году была опубликована большая статья, посвященная монографии И.И. Орлика «Империалистические державы и Восточная Европа». Отмечая, что монография И.И. Орлика «содержит значительный объем информации, который лишь частично искажен идеологическими императивами», автор статьи называет этот труд «примером серьезного исследования», содержащего «ряд глубоких откровений»; «политически мотивированные нападки в книге сведены к минимуму». И.И. Орлик «трезво смотрит на Восточную Европу <...>, в исследовании Орлика скрытым является тезис, что судьба Восточной Европы еще никоим образом не решена, <...> в общем анализе достаточно реализма, и явно недостаточно привычного марксистского оптимизма».

Главное, однако, не в позитивной оценке исследований И.И. Орлика американским научным журналом, а в признании объективного подхода советского исследователя к освещению политики Запада в отношении стран Восточной Европы. Именно тогда, в середине 60-х годов, И.И. Орлик обратил внимание на изменение стратегии Запада в отношении стран социализма, что могло привести (а через два с лишним десятилетия и привело) к последствиям, которые не учитывались (и не предвиделись) советским руководством.

Исследования И.И. Орлика носили, как тогда стали говорить, комплексный характер: он изучал взаимоотношения государств двух систем не только в историческом аспекте, но и рассматривал современные международные политические проблемы, особо выделяя экономические направления этих отношений, роль экономических факторов во внешнеполитической стратегии как Запада, так и Востока. Например, деталь-

но рассмотрены в ряде работ И.И. Орлика «план Маршалла», регламентация внешней торговли США с отдельными восточноевропейскими странами, деятельность Координационного комитета, последствия системы «стратегического контроля» для международных экономических отношений, специфика экономической политики отдельных западных держав в отношении стран Восточной Европы.

Подробно изучен процесс «поворота» западных государств в сторону расширения экономических связей с социалистическими странами, признания ими необходимости нормализации отношений с восточноевропейскими партнерами. Вполне аргументирован вывод о том, что дискриминационная внешнеэкономическая политика западных держав, которая привела к ликвидации регулярных торговых связей с Восточной Европой, нанесла существенный ущерб всей системе международного рынка, мешала ее нормальной деятельности. Отказ от этой дискриминационной политики (правда, не сразу) привел к тому, что торговля западных держав к началу 70-х годов существенно изменилась, наблюдалось значительное расширение экономических связей с новыми партнерами.

Одним из первых отечественных исследователей И.И. Орлик обратился к анализу отношений Европейского экономического сообщества со странами-членами СЭВ. При этом он отмечал: «Стремясь к расширению торговли с западными державами, страны Восточной Европы, естественно, заинтересованы в долгосрочных соглашениях и кредитах, что позволило бы обеспечить планирование товарооборота. Такие соглашения могли бы явиться гарантией длительных и нормальных экономических отношений при обязательном соблюдении всех условий соглашений».

Тенденция к установлению тесных отношений с восточноевропейскими странами, отчетливо проявляющаяся во второй половине 60-х годов в политике Запада, — это довольно сложное и противоречивое явление современной международной жизни, подчеркивал И.И. Орлик, делая сво-

его рода прогностический вывод: «В политической области новые черты политики западных держав характеризуются стремлением «приспособить» существующий в Восточной Европе строй к «западной демократии»; выборочным подходом к восточноевропейским странам; ставкой на национализм; поисками приемлемой формы включения восточноевропейских стран в планируемую политическую интеграцию всей Европы».

Напомним, что это положение было сформулировано И.И. Орликом в монографии, вышедшей в свет еще в 1968 году.

Осенью 1969 года в научной судьбе Игоря Ивановича произошел важный поворот. Новый директор Института экономики мировой социалистической системы О.Т. Богомолов, проводя существенную реорганизацию института, пригласил на работу многих «страновиков» — специалистов по странам Восточной Европы.

Многоплановая проблематика исследований восточноевропейских стран привлекла и И.И. Орлика, который ответил согласием на предложение О.Т. Богомолова. С декабря 1969 года, вот уже 45 лет, он работает в Институте экономики мировой социалистической системы (позже — Институт международных экономических и политических исследований, а сейчас в Институте экономики) сначала заведующим сектором Румынии, с 1973 года по 1987 год — заместителем директора института, а с 1987 года — главным научным сотрудником.

Все это время И.И. Орлик остается верен давно избранному им восточноевропейскому направлению своих научных исследований.

В более поздних публикациях И.И. Орлика не только развиваются многие положения его работ 60-х годов, но и выдвигается ряд новых исследовательских проблем. В монографии «Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств. 1965–1975 гг.», вышедшей в 1979 году, раскрываются новые тенденции во взаимоотношениях государств двух систем. И снова значи-

тельная часть книги посвящена экономической политике Запада: показана пагубность системы «стратегического контроля», подробно проанализированы динамика торговли, новые формы экономических отношений, роль СЭВ и Общего рынка в экономических связях Запада с Восточной Европой. При этом подчеркивалось, что «объективный характер западноевропейской экономической интеграции предопределил создание предпосылок для разработки общей политики в отношении стран Восточной Европы».

В этом же исследовательском направлении под руководством и общей редакцией И.И. Орлика выполнен и ряд значительных коллективных работ, вышедших, однако, под грифами «Для служебного пользования» или «Конфиденциально». К таким публикациям относятся, например, «Запад и Восточная Европа», «ФРГ и Восточная Европа». В течение нескольких лет в качестве одного из руководителей И.И. Орлик много внимания уделял международному исследовательскому проекту под символом «Звезда», в котором разрабатывались проблемы отношений стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) с западными державами (особенно экономические аспекты и вопросы обеспечения европейской безопасности).

Игорю Ивановичу принадлежит инициатива подготовки фундаментального трехтомного труда «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века». Вышедший в свет в 2000–2002 гг. трехтомник (главный редактор академик А.Д. Некипелов) является первым в отечественной научной литературе исследованием важнейших проблем развития стран восточноевропейского региона в течение пяти десятилетий XX века, в котором дана объективная оценка всех сложных процессов социальной, экономической и политической жизни этих государств, их места и роли в бурных международных событиях второй половины прошлого столетия.

Во многих главах, написанных И.И. Орликом на основе новых архивных материалов и других документов, подвергнуты переосмыслению и уточнению существующие оценки сложных преобразований в странах Центрально-Восточной

Европы, их участия в международных отношениях. Многие проблемы освещены совершенно по-новому, и тем самым показана неубедительность некоторых традиционных трактовок ряда событий в Центрально-Восточной Европе.

Последние результаты исследований этих проблем содержатся в вышедшей в 2013 г. монографии И.И. Орлика «Очерки истории международных отношений».

Более двадцати лет И.И. Орлик возглавляет важный исследовательский проект «Россия и Центрально-Восточная Европа», в рамках которого под его руководством и при его участии подготовлена серия публикаций, аналитических докладов и рекомендаций для государственных ведомств. Особенно следует отметить монографии и сборники статей: «Россия и Восточная Европа» (1992), «Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов. В 2 частях» (1997), «Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX века» (1998), «Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в конце XX века» (1999), «Россия и Центрально-Восточная Европа во второй половине 90-х годов XX века. В 2 частях» (2002), «Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы: взаимоотношения в начале XXI века» (2003); двухтомное издание «Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации на рубеже веков» (2005); «Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центральной и Восточной Европы» (2015) и др.

В многочисленных публикациях последних лет И.И. Орлик подчеркивает, что весьма длительное (более десяти лет) «полузамороженное» состояние отношений между Россией и ее бывшими партнерами по «социалистическому содружеству» в значительной степени определялось внутренними трансформациями в России и странах ЦВЕ. Именно они, эти преобразования, вместе с внешним фактором — переориентацией международной политики — в кратчайшие сроки разрушили былые тесные связи.

Чем объяснить столь долгое равнодушие российского руководства и лидеров стран ЦВЕ (в течение 10 лет!) к установлению нормальных, выгодных взаимоотношений? Это сложный вопрос, требующий рассмотрения целого комплекса объективных, но, главным образом, субъективных факторов. У обеих сторон объективно отсутствовали экономические и политические возможности для взаимодействия в первые годы после распада соцсистемы. Как субъективные факторы можно рассматривать личные стремления каждого из государственных лидеров подчеркнуть полный разрыв с бывлой системой отношений, а также желание «угодить» в этой связи западным державам.

В итоге эта «пауза» стала столь продолжительной, что нанесла непоправимый ущерб и России, и странам ЦВЕ. Пагубность такого долгого разрыва отношений стала очевидной для всех в начале нового века. Только сейчас проявились первые признаки разумного подхода к становлению новых отношений между Россией и Центрально-Восточной Европой, попытки извлечь уроки из «потерянного десятилетия».

Объективные обстоятельства и схожесть проблем, решаемых в России и других бывших советских республиках, экономическая и геополитическая взаимозависимость вынуждают страны Центрально-Восточной Европы восстанавливать сотрудничество с бывшими партнерами. Конечно, такое сотрудничество обусловлено в значительной мере восстановлением внутренней экономической и политической стабильности России. Но это отнюдь не означает, что нужно ждать укрепления этой стабильности в будущем.

Быстро восстановить уровень бывшего политического и экономического сотрудничества вряд ли удастся даже при самых благоприятных условиях. Если можно будет в ближайшее время существенно увеличить взаимную торговлю, то это позволит создать новую основу экономического российско-восточноевропейского сотрудничества.

Россия очень много потеряла в Центрально-Восточной Европе из-за своей медлительности, неоправданной пассив-

ности и в политике, и борьбе за сохранение позиций на восточноевропейских рынках, и в общем экономическом и научно-техническом сотрудничестве с бывшими партнерами. В значительной степени это объясняется отсутствием у российского руководства более или менее четкого представления о новом характере и главных направлениях отношений России со странами Центрально-Восточной Европы.

Как считает И.И. Орлик, развитие политических и торгово-экономических отношений России со странами Центральной и Восточной Европы требует разработки концепции применительно к взаимодействию с каждой страной. Последствия распада былых союзнических отношений продолжают оказывать свое влияние на развитие связей России с Центрально-Восточной Европой. Существенную роль при этом играют изменения во внешнеполитическом курсе России, а также радикальная смена внешнеполитических приоритетов восточноевропейских стран.

России досталось от СССР тяжелое наследство. Создавая новые отношения с каждым из восточноевропейских государств, она должна прежде всего разрешить многие доставшиеся ей проблемы, освободиться от их груза, который не позволяет строить полнокровную и жизнеспособную систему внешнеполитических связей. Старые правовая и организационная инфраструктуры отношений со странами Центральной и Восточной Европы разрушены. И только начала создаваться новая инфраструктура с учетом новых внутренних и международно-политических реалий.

Серьезным просчетом политики России в конце XX века стало фактическое игнорирование стран ЦВЕ как партнеров в решении важных внутренних и международных проблем. Осознание российским руководством необходимости проведения активной политики в регионе ЦВЕ, разработка специальной внешнеполитической концепции применительно к этому региону могут эффективно содействовать решению многих проблем процесса трансформации и в России, и в странах Центрально-Восточной Европы, а также способство-

вать оздоровлению складывающейся здесь геополитической ситуации.

Исследуя новую геополитическую ситуацию, в которой оказались Россия и Центрально-Восточная Европа, И.И. Орлик приходит и к более широким выводам. Первые годы XXI века не стали обнадеживающими, предвещающими обновление и умиротворение по сравнению с жестоким и драматическим минувшим столетием. Незатухающие кризисы во многих регионах Земли, угроза, а затем и проявления массового терроризма, крупномасштабные военные действия, чреватые не только реальным противостоянием цивилизаций, но и атомной войной, — все это порождение первых лет XXI века. Человечество не долго отдыхало после окончания холодной войны. Продолжают тлеть непогашенные очаги балканского пожара, возникают новые противоречия, едва вступившие в НАТО новые члены Альянса уже вовлечены в опасный пожар на Ближнем Востоке. И все это рядом с Россией и ее европейскими партнерами по СНГ.

Новая ситуация, сложившаяся в Европе после столь значительного расширения НАТО и ЕС, конечно, требует от России разработки новых концепционных положений для более четкого определения целей и задач ее политики в Европе, в том числе и в отношении Центрально-Восточного региона.

Эта задача стала чрезвычайно сложной в условиях развития опасной ситуации вокруг украинского кризиса и в связи с западными санкциями в отношении России.

Выводы более глобального плана и результаты исследований по отдельным проблемам взаимоотношений России и стран Центрально-Восточной Европы нашли отражение в ряде публикаций И.И. Орлика последнего времени.

Всего Игорем Ивановичем опубликовано около 300 работ. Он является ответственным редактором многих монографических трудов, участником и руководителем международных комплексных проектов.

В разное время И.И. Орлик был членом ученых советов ИМЭМО, истфака МГУ, ИНИОН, председателем Ученого

совета по защите кандидатских диссертаций в ИЭМСС, членом Ученого совета Дипломатической академии МИД РФ, членом бюро Научного совета РАН по истории международных отношений, членом Совета по внешней политике России Министерства иностранных дел РФ.

За многолетнюю плодотворную научную деятельность И.И. Орлик награжден в 1975 году орденом Трудового Красного Знамени, а в 1976 году – румынским орденом «Заслуженный ученый». В 1985 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Многоплановую научную работу И.И. Орлик сочетает с педагогической: в 1957–1958 и в 1970–1971 учебных годах он читал спецкурсы в МГИМО, в течение 10 лет являлся профессором Университета дружбы народов и профессором Дипломатической академии. Им подготовлено 27 кандидатов исторических наук – специалистов по международным отношениям.

Не без гордости Игорь Иванович говорит, что среди его бывших учеников есть министр иностранных дел одного из государств СНГ, заместитель министра иностранных дел другого государства СНГ, есть чрезвычайные и полномочные послы, дипломаты высокого ранга, а также доктора наук, профессора, многие талантливые ученые.

Завершая подготовку этого очерка, авторы заинтересовались у Игоря Ивановича: «Есть ли прямая связь между непродолжительным, но опасным периодом партизанской и фронтовой юности и последующими многими десятилетиями его жизни?»

Немного задумавшись, Игорь Иванович уверенно ответил: «Да, конечно, есть. Я горжусь тем семнадцатилетним юношей, у которого, как и у его друзей-сверстников, хватило ума, смелости и чести стать подпольщиками-партизанами. Поэтому больше других удостоверений к военным награ-

дам (орден «Отечественная война», медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», многочисленные другие медали) я ценю свой партизанский билет № 9753. Ну, а что касается проблематики моей многолетней научной деятельности, то, возможно, — добавил, улыбаясь, Игорь Иванович, — здесь повлияли медали "За взятие Будапешта" и "За освобождение Праги". В целом же, если мысленно охватить мою долгую жизнь от юности до сегодняшних дней, то ее девизом являются слова: "Береги честь смолоду!"»

А.Д. Некипелов,
М.П. Стрепетова,
Л.С. Косикова

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВИЧ
ШАСТИТКО.
Человек, воин,
ученый,
руководитель

Владимир Михайлович Шаститко родился в 1924 году в Ялте в большой дружной семье. Отец Михаил Петрович был лесничим, преданно любил природу и передал эту любовь трем сыновьям и дочери. Владимир был самым младшим из детей. Большую роль в становлении его личности сыграла мать — Ксения Моисеевна, которая была высокообразованной женщиной, знала несколько языков и увлекалась музыкой.

Получив десятилетнее образование в средней школе в поселке Ново-Черемшанск Ульяновской области, Владимир Михайлович в 1942 году поступил в артиллерийское училище в Сызрани. Сразу после его окончания (в 1943 году) в звании техника-лейтенанта был направлен на фронт в 22-ю Западную артиллерийскую дивизию, входившую в состав Юго-Западного, а затем 3-го Украинского фронтов. Вместе с дивизией участвовал в освобождении Украины, Молдавии, а затем Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии — стран, которые в дальнейшем стали предметом его научной деятельности и принесли ему известность в научных кругах в СССР, в странах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), других зарубежных государствах и международных организациях.

После окончания войны и вплоть до февраля 1947 года служил в той же дивизии в составе Южной группы войск в Румынии. Окончил войну в звании старшего лейтенанта, имел правительственные награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени и 6 медалей.

О войне рассказывал мало и неохотно, как будто стеснялся своего героизма, а если вспоминал, то обязательно что-то веселое и смешное. С огромным чувством огорчения говорил, что сердце обливалось кровью, когда приходилось стрелять по шедеврам мировой культуры в таких городах, как Будапешт, Вена, Белград. Бывая в этих городах в научных командировках, иногда шутливо повторял, что «освобождал их вот этими руками».

После демобилизации поступил в Московский институт внешней торговли на коммерческий факультет, который окончил в 1952 году. С этого времени начинается профессиональная карьера Владимира Михайловича: он был распределен на работу во внешнеторговое объединение «Разноэкспорт» МВТ СССР, затем в 1953 году переведен в Научно-исследовательский конъюнктурный институт (ВНИКИ) и одновременно поступил в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Во ВНИКИ работал до 1965 года старшим экономистом, затем старшим научным сотрудником; с 1965 по 1968 год в Праге (Чехословакия) в журнале «Проблемы мира и социализма» был заместителем заведующего отделом социалистических стран, а затем заместителем ответственного секретаря журнала. В 1968 году направлен на работу ученым секретарем Отделения экономики АН СССР. С октября 1969 года работал в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, переименованном в дальнейшем в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, заведующим сектором, заведующим отделом, заместителем директора Института.

В 1963 году успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 1979 — докторскую. Защита докторской диссертации

проходила в Берлине (ГДР) на немецком языке. В 1982 году В.М. Шаститко было присвоено ученое звание профессора по специальности «Мировое социалистическое хозяйство, экономика и размещение производительных сил зарубежных социалистических стран».

Владимир Михайлович был членом многих общественных организаций: Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество (1989), бюро секции «Мировое хозяйство и внешнеэкономические связи СССР» (1987), редакционной коллегии журнала «Внешняя торговля СССР» (с 1984), научного совета ГВК при Совете Министров СССР (1987), заместителем председателя научного совета АН СССР «Мировая социалистическая система», Союза журналистов СССР и других, а также выступал в качестве эксперта в международных экономических организациях и научных советах.

За время научной деятельности В.М. Шаститко опубликовал около 100 научных работ общим объемом 300 печатных листов, в том числе индивидуальные и коллективные монографии, статьи и доклады. Его работы печатались в ГДР, Болгарии, Индии, Чехословакии и в других странах. Он был участником международных симпозиумов и встреч в рамках ООН.

Владимир Михайлович был по-настоящему прекрасным Человеком, в самом возвышенном, чеховском понимании этого слова. Одаренный от природы яркой внешностью, высокий и стройный, с правильными чертами лица, всегда элегантно одетый, он обладал не менее замечательной, щедрой душой. Будучи человеком глубоко порядочным и справедливым, многогранным и талантливым, артистичным и остроумным, он, как магнит, притягивал к себе самых разных людей, а общение с ним всегда обогащало и доставляло истинное удовольствие. Прекрасно разбираясь в людях, он, тем не менее, был снисходителен к их слабостям, всегда относился с большим сочувствием к чужой беде, старался понять и помочь. Поэтому его так высоко ценили как руководителя и так необычайно любили ученики и подчиненные. Светлая ему память и наш земной поклон!

Кометой, яркою звездою
Он эту Землю посетил,
Прикосновением с судьбою
Своей он всех нас одарил.
Его душа теперь далеко,
Среди землян ее уж нет.
Из бездны Вечности глубокой
Она нам шлет свой тихий свет.

Два серых глаза — две звезды
Глядят на нас уж без укора.
И, может, встретимся мы скоро
И вместе будем там парить..
Как знать! Ну а пока мы живы,
В сердцах он наших остается,
Его не в силах мы забыть.

(Л.С. Косикова)

Владимир Михайлович Шаститко был настоящим Ученым — высокопрофессиональным экспертом в своей области знаний, глубоким, пытливым и сомневающимся исследователем. Ему был абсолютно чужд догматизм в науке, он постоянно находился в творческом поиске. В работе для него главное — как следует разобраться в исследуемом предмете, докопаться до сути, выявить тенденции и закономерности изучаемых процессов, а уж только потом изложить свои взгляды на бумаге. Делал он это блестяще — логично, ясно, всегда чувствовалось, что за краткими формулировками стоят глубокие размышления. Не любоваться своими трудами, стоящими на книжной полке, а получить собственный результат, хотя бы немного приближающий исследователя к познанию истины, разработать оригинальную методику, сделать обоснованный прогноз — вот что было интересно ему как ученому.

Сам он редко оставался по-настоящему доволен тем, что сделал, и не слишком часто публиковал свои труды. Он относился к типу аналитиков, которые не гонятся за количеством

публикаций и не стремятся выдать на-гора конъюнктурное «сырье». Владимир Михайлович откровенно презирал компиляторов в академической науке, тех, кто умудряется быстренько «сляпать» свою монографию из чужих цитат, не особенно утруждая себя муками творчества. В работах по мировой экономике этим тогда особенно грешили. Просматривая по должности годовые научные отчеты своих сотрудников и аспирантов и видя в них длинные списки публикаций, он нередко шутливо спрашивал: «Ну и когда Вы только успеваете и чужое написать, и свое прочитать?»

Главной сферой профессиональных интересов В.М. Шаститко в течение многих лет было изучение закономерностей международного разделения труда, прежде всего мировой торговли и расчетов, валютно-финансовых и кредитных отношений. После прихода на работу в ИЭМСС АН СССР В.М. Шаститко углубленно занимался исследованием этих аспектов международных экономических отношений на примере взаимных связей Советского Союза с социалистическими странами.

Первоначально В.М. Шаститко заведовал в институте небольшим структурным подразделением – сектором товарно-денежного механизма сотрудничества. Коллектив сектора занимался анализом развития внешней торговли СССР со странами-членами СЭВ – международной организации социалистических государств по экономическому сотрудничеству. Наряду с проблемами торговли, сотрудники сектора изучали специфические проблемы ценообразования в рамках СЭВ и, как тогда выражались, «на мировом социалистическом рынке», хотя, конечно, никакого рынка в плановой экономике не было. Много внимания уделялось вопросам эффективности торгово-экономических связей социалистических стран, системе взаимных расчетов, кредитно-валютным проблемам.

Чтобы сегодня стало понятным, насколько непростой была исследовательская работа по данному направлению, следует, в первую очередь, отметить, что многие данные о внешней торговле СССР в те годы были строго засекречены.

Результаты кропотливой работы коллектива под руководством В.М. Шаститко были известны лишь узкому кругу экспертов в этой области. Они почти не публиковались в открытой печати, а чаще всего выходили из института в форме докладов и записок с научно-практическими рекомендациями для «директивных органов». Кроме того, необходимо напомнить, что в Советском Союзе до конца 1980-х годов существовала монополия государства на все виды внешней торговли. А в целом в области внешнеэкономических связей действовала твердая идеологическая установка Компартии во главе с ЦК КПСС на приоритетное развитие экономического сотрудничества с «братскими социалистическими странами». В этих жестких рамках идеологического и государственного контроля со стороны «партии и правительства» сотрудничество СССР со странами СЭВ на практике развивалось отнюдь не в логике эффективности международной торговли. Внешние связи СССР с социалистическими странами с экономической точки зрения неоправданно доминировали в ущерб другим направлениям международных экономических отношений. Этот «внешнеэкономический флюс» образовался на почве военно-стратегического партнерства стран Варшавского Договора в условиях «холодной войны» и биполярного мира.

Но даже в этих условиях чрезмерной идеологизации и политизации проблем внешнеэкономических связей СССР со странами СЭВ В.М. Шаститко всегда стремился к тому, чтобы исследования в этой области максимально объективно отражали картину сотрудничества, а результаты научных изысканий имели практическое применение и помогали принимать адекватные управленческие решения — там, «наверху». На это он нацеливал и научные коллективы, которыми руководил, будь то сектор внешней торговли или расширенный отдел производственной интеграции в составе ИЭМСС АН СССР, временные рабочие коллективы по подготовке крупных междисциплинарных докладов. Сколько разного рода научно-практических материалов подготовили он сам и его подчиненные для отдела ЦК КПСС, курировавшего связи

с соцстранами, соответствующих подразделений Госплана СССР, Постоянного представительства СССР в СЭВ, союзных министерств и ведомств! Как правило, это была не слишком благодарная работа — незаметная для коллег-ученых, работавших в чисто «академическом» стиле, нервная, напряженная, не всегда с пониманием воспринимавшаяся «высокими» заказчиками. Но Владимир Михайлович честно относился к своим обязанностям, не старался «отписаться», во все вкладывал свой интеллект и душу. Ему принадлежат многие оригинальные идеи и разработки по проблемам экономического сотрудничества СССР с зарубежными странами.

Знания, опыт и высочайшая квалификация ученого особенно востребованными были в последние годы его жизни, когда В.М. Шаститко вместе со всем коллективом ИЭМСС на волне горбачевской перестройки активно включился в работу по подготовке и проведению экономических преобразований в стране, начавшихся с конца 1980-х годов. Он был одним из активных разработчиков постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в Советском Союзе, непосредственно участвовал в подготовке решений о развитии прямых связей предприятий стран СЭВ, об организации свободных экономических зон в нашей стране. В.М. Шаститко возглавлял экспертные группы, работавшие над проблемами перестройки деятельности Совета экономической взаимопомощи, когда уже во весь рост встал вопрос, что делать с ним — распустить или обновить? В.М. Шаститко, в частности, отстаивал идею перехода на мировые цены во взаимной торговле, но при сохранении на определенный период расчетов между странами СЭВ в переводных рублях. К сожалению, на практике было принято решение об отказе от переводного рубля и начале расчетов в свободно конвертируемой валюте, что, как и предсказывал В.М. Шаститко, привело к обвалу взаимной торговли в начале 1990-х годов и стало сильнейшим дополнительным шоком для экономик стран Восточной Европы.

Прекрасное знание практики внешнеэкономической деятельности в СССР и в рамках СЭВ очень помогло Владимиру Михайловичу в работе над теоретическими трудами, которые и сегодня перечитываются с огромным интересом, хотя, казалось бы, предмет исследования безвозвратно исчез. В этой связи следует назвать выдвинутые им идеи о социальной детерминированности действия закона стоимости в международной сфере и новую трактовку осуществления действия принципа сравнительных преимуществ в условиях научно-технической революции. В трудах профессора Шаститко по проблемам ценообразования всесторонне разработан вопрос формирования цен взаимной торговли стран СЭВ, предложен дифференцированный подход к анализу ценообразующих факторов. Им разработаны методические положения, на основе которых в институте проводились исследования экономических условий обмена, в том числе вопросов соотношения экспортно-импортных цен.

Достоянием экономической науки стали монографии, написанные В.М. Шаститко в соавторстве с коллегами по родному институту и опубликованные под его редакцией. И сегодня актуальны многие положения и выводы из научных докладов, написанных в середине 70-х годов прошлого века.

Владимир Михайлович Шаститко внес заметный вклад в разработку теоретических проблем эффективности внешней торговли СССР и товарно-денежных отношений при социализме.

Он по праву считается крупным специалистом в вопросах сущности и механизма экономической интеграции государств с плановой экономикой («социалистическая экономическая интеграция»), авторитетным ученым в сфере механизмов управления внешнеэкономической деятельностью. Как пригодились бы его знания и опыт сегодня, когда институт продолжает работу по исследованию внешних экономических связей России со странами Центральной и Восточной Европы, разрабатывает предложения по сотрудничеству России со странами СНГ, занимается проблемами экономической

интеграции постсоветских государств! Он, как никто другой, смог бы успешно возглавить эти направления исследований на стыке экономической науки и практики.

О В.М. Шаститко как о Руководителе следует сказать особо. Всем, кто работал под его руководством, очень не хватает Владимира Михайловича. Ведь он был не банальным «начальником», а настоящим организатором и вдохновителем научных коллективов, любимым учителем и старшим наставником, по-отечески относившимся к своим подчиненным. Начиная с 1976 года и до последних дней своей жизни он занимал пост первого заместителя директора ИЭМСС АН СССР по науке. В этом качестве он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Под его руководством в институте велись работы по таким крупным научно-исследовательским проектам, как Комплексная программа научно-технического прогресса СССР (в части внешних связей), Концепция экономического сотрудничества СССР со странами СЭВ. В.М. Шаститко выдвигал и всемерно поддерживал плодотворные идеи, стимулировал творческий поиск, разработку как теоретических, так и практических вопросов.

Это был чуткий и отзывчивый человек, лишенный спеси и барских замашек. Он умел создавать непринужденную, искреннюю атмосферу в коллективе, сплачивать его и нацеливать на решение сложных задач. Под его руководством все работали с неослабевающим интересом к делу и с хорошим настроением. Этому в немалой степени способствовали открытые, горячие дискуссии по актуальным вопросам, в которых каждый имел право высказать свое мнение — от младшего научного сотрудника и аспиранта до заведующего отделом.

Владимир Михайлович очень внимательно относился к молодым сотрудникам, ценил способных, думающих людей, продвигал их на руководящую работу. Многие из тех, кто непосредственно с ним работал, занимают сегодня заметные посты в Российской академии наук, стали академиками и членами-корреспондентами (А.Д. Некипелов, К.И. Микульский).

В настоящее время Институт экономики РАН возглавляет член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук Руслан Семенович Гринберг, в котором В.М. Шаститко в свое время разглядел талантливого ученого и остроумного человека и пригласил к себе в сектор для работы над вопросами ценообразования.

В ИЭМСС Владимира Михайловича любили и ценили все. Он был самым настоящим неформальным лидером. Но в его родном секторе внешней торговли и расчетов, а также в отделе производственной интеграции его просто боготворили. Когда он, выйдя из своего кабинета заместителя директора, проходил по нашему четвертому этажу, творилось что-то необыкновенное. Тут же все оживлялись, собирались вокруг Владимира Михайловича, старались поговорить с ним, обсудить то, что всех волновало в текущей жизни, звучал громкий смех в ответ на его шутки... Это незабываемо! Приход Владимира Михайловича в сектор был настоящим праздником — так тянулись к нему люди! С ним приятно было обсудить и книжные новинки, и новости культурной жизни Москвы — он всюду успевал, много читал, к его мнению прислушивались. А он не считал для себя зазорным узнать, что думают совсем молодые сотрудники, любил вместе с молодежью готовить институтские «капустники», писал иногда сценарии для новогодних вечеров.

В коллективе, которым руководил В.М. Шаститко, всегда отмечали День Победы как самый главный праздник в году, или как второй день рождения Владимира Михайловича. Накрывали праздничный стол, все были нарядными, в приподнятом настроении. Однажды 9 мая Владимир Михайлович пришел к нам в институт в солдатской гимнастерке и просто поразил всех своей молоджавостью, выправкой. Он с удовольствием принимал комплименты, особенно от женщин, охотно фотографировался.

Когда-то в вестибюле института висел специальный стенд, посвященный нашим сотрудникам-фронтовикам. На нем были помещены прекрасные фотографии и краткие биогра-

фические справки о военном периоде жизни наших замечательных ветеранов. Фотография совсем юного В.М. Шаститко тоже украшала этот стенд. Стенда уже нет, остались стихи, посвященные Владимиру Михайловичу, навеянные его фронтовым снимком и подаренные ему в день 40-летия Победы:

У военной фотографии
Я опять останавлиюсь,
На глаза, как звезды ясные,
Полюбуюсь, подивлюсь:
Ах, какой красивый парень,
Да еще герой!
Он таким же и остался —
Вечно молодой!

Элегантный и спортивный,
Словом, «импозант»,
А в работе — щепетильный,
Въедлив и педант.
Строгий. Нами почитаем,
Боле все ж — любим.
Все у нас Шаститко знают,
Он неутомим.

На капустниках душою
Он бывал всегда,
В юбилейные застолья —
Главный тамада.
А в свободные минутки —
Шумный балагур.
Там, где он, — веселье, шутки,
Острый каламбур.

Но когда про окруженье
Как-то рассказал,
Со слезами и волненьем

Молча слушал зал...
Счастья Вам и Вашим близким,
Пусть растет внучок,
Славным дедом пусть гордится
Юный Филиппок.
Новых встреч, в делах — успехов,
Творческих побед,
И с мальчишеским задором
Вам прожить сто лет!!!

(Л.С. Косикова)

У Владимира Михайловича была прекрасная семья. Жена Лилиана Васильевна сопровождала его всю жизнь, была ему беззаветно преданным другом, обладала чуткой женской мудростью и тактом, помогала переживать житейские трудности и радости. Дочь Наталья тоже получила экономическое образование. У нее двое детей — внуков Владимира Михайловича — Филипп и Ксения, названная в честь прабабушки. Именем Юрия Михайловича Шаститко (старшего брата Владимира Михайловича) в селе Ново-Черемшанске Ульяновской области названы улица и школа. Средний брат — Петр Михайлович Шаститко — доктор исторических наук, известный специалист по Индии и востоковедению.

Владимир Михайлович был разносторонним, талантливым и очень достойным человеком, которого окружали такие же друзья и коллеги.

К сожалению, жизнь Владимира Михайловича оборвалась слишком рано. Семье, друзьям и коллегам его очень не хватает.

Во время похорон в январскую стужу 1991 года его однополчанин и друг В. Иванов прочитал замечательные прощальные стихи:

Стояли мы и молчали,
Скорбно потупив взгляд,
Умер однополчанин,
Освободивший Белград.

На свете нет горшего горя,
Когда умирает друг.
Снова Донской крематорий
На нас навалился вдруг.

Люди уходят, уходят,
А нам предстоит еще бой.
Прости и прощай, Володя —
Однополчанин мой.

М.Б. Гусева,
Г.Б. Медведев

Почему мы помним...

Почему мы помним о Войне и Победителях? Сам по себе этот вопрос еще недавно прозвучал бы по меньшей мере странно...Однако не признать его актуальности в наши дни было бы неправильно. Когда то, что казалось незыблемым, рушится в короткое время. Нарушены или предпринимаются настойчивые попытки нарушить долгое время складывавшиеся и приносившие пользу производственные и общественные системы...Нам ли работникам науки ни видеть этого! Так почему необходимо помнить? Победа в Великой Отечественной Войне преподала нам уроки, особенно актуальные сейчас.

Современное российское общество все более сталкивается с необходимостью движения к общественному согласию. Постепенно начинает появляться понимание того, что противоречия сами по себе не ведут к развитию, при этом имея свойство усугублять сами себя. Великая Победа добывалась людьми различных, порой противоречивых общественных и политических взглядов. А уж тот факт, что в одном окопе или в походном марше плечом к плечу могли находиться, к примеру, разнорабочий и выдающийся ученый, и вовсе не вызывала противоречий. К слову, именно так сложилась судь-

ба многих из тех, о ком мы хотим рассказать вам — ученых нашего института — участников, Победителей в Великой Отечественной войне, прошагавших в сапогах и шинелях по дорогам войны с трагического 41-го до победного 45-го. Великая Победа показала, что только объединение различных общественных групп на основе общих целей и ценностей, которыми были сохранение страны, народа, возможности развиваться и добиваться успеха в своем и общем деле, позволило выстоять, победить и пойти дальше — восстанавливать разрушенную страну. Об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас письма наших Героев.

Как научные работники мы понимаем, что наука, как и любая сложная деятельность человека, основана на определенных традициях. Слом этих традиций, единовременное прекращение осуществления подобной деятельности, может привести к непоправимым разрушительным последствиям. К сожалению, в наше время данное утверждение многими не принимается во внимание. Другие считают, что разрушение, объявление традиционных участников каких-либо областей деятельности — «ненужными», «неконкурентными», «устаревшими» никогда не будет применено к ним самим. Однако практика свидетельствует об обратном...

Всенародное празднование Великой Победы, чествование ветеранов — одна из немногих искренне разделяемых подавляющим большинством России традиций. Попытки предания забвению, затушевывание значения Великой Победы — угроза для будущего России как единого образования. Мы считаем, что распространение знания о военных судьбах ветеранов — Победителей — одна из важнейших составляющих сохранения памяти и традиции. Кроме того, подобный подход представляется нам подлинно научным и закрывающим двери дилетантству и крайностям в рассмотрении достижений и просчетов, сделанных в военные годы на разных уровнях руководства и исполнения. Обсуждение ошибок — дело знающих и понимающих ситуацию профессионалов, а не большого числа дилетантов. Кроме этого, для

нас очевидно, что подобное обсуждение должно быть всегда конкретно, а не направлено на дискредитацию общих выдающихся результатов.

Подобные результаты были достигнуты не только на полях сражений, но и в экономической сфере. Чего стоит только беспримерное быстрое налаживание промышленности и сельского хозяйства во вновь осваиваемых тыловых районах. Можно констатировать, что Советский Союз одержал и экономическую Победу над Германией. Причем во многих областях деятельности эта была победа не просто количественная, но и качественная, выражающаяся не только, например, в абсолютных объемах выпуска, но и в большей технологичности продукции при ее более высоком качестве, по сравнению с аналогичной вражеской. Экономистам есть чем гордиться и в финансовой сфере. Государственный бюджет оставался реально функционирующим средством управления как военной экономикой, так и послевоенного восстановления хозяйства. Уместно отметить взаимодействие ключевых государственных деятелей-экономистов военного времени, таких, например, как: Н.А. Вознесенский (Председатель Госплана СССР, впоследствии Академик АН СССР), А.Г. Зверев (Министр финансов СССР), К.Н. Плотников (Замминистра финансов СССР, впоследствии Член-корреспондент АН СССР и РАН, Директор нашего Института с 1959 по 1965 гг.) – с учеными Академии наук СССР в свете решения важнейших задач в области управления экономикой. Академик АН СССР С.Г. Струмилин (впоследствии Зав. сектором в нашем Институте) в годы войны – Зампред. Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. Эта Комиссия внесла значительный вклад в быстрое развертывание промышленного и сельскохозяйственного производства в восточных районах СССР для нужд военной экономики. Ученые АН СССР, входившие в ее состав, работали как над общеорганизационными вопросами, так и оказывали помощь отдельным предприятиям в налаживании и совершенствовании производства.

Все сказанное выше наглядно отвечает на поставленный нами вопрос: «Почему необходимо помнить?». Однако это все ответы рациональные, не случайно рассмотренные здесь с позиции современного «рационального» читателя. В этой связи хотелось бы сделать одно небольшое дополнение. Не следует забывать, что «рациональность» — только одна из сторон человеческой психики. Более того, мотивы личной выгоды далеко не всегда преобладают в ней. Неопровержимым доказательством этого является и подвиг сотрудников Института, добровольно взявших в руки оружие, при том, что они имели «бронь» от призыва даже в военное время! Некоторые из них, к сожалению, пали смертью храбрых на полях сражений, а другие прошагали от Москвы и берегов Волги до самого сердца Европы. Вряд ли тогда задавались они вопросом рациональности и выгоды! Скорее полностью отвергли они эти понятия.

Вот почему необходимо помнить! Просто для того, чтобы помнить, сохранять в себе что-то вечное, передающееся из поколения в поколение! Не для выгоды, не для славы! Не в этом ли настоящая сущность человека? По крайней мере, именно так вело себя в страшные военные годы большинство людей...

В последнее время нарастают во всем мире кризисные явления. О них говорят — «экономический кризис», «кризис цивилизации», «кризис духа». Мы как ученые — экономисты видим одну из основ этого кризиса — кризис указанной «рациональной» ценностной модели, модели личной выгоды и базирующихся на ней теории и практики общественного и экономического развития. Надеемся, что сведения о боевом и трудовом пути ветеранов — сотрудников нашего Института в годы Великой Отечественной войны покажут читателю наличие практических мировоззренческих альтернатив. А нам — современным представителям русской экономической мысли позволят, критически проанализировав опыт и восприняв традиции наших выдающихся предшественников, осуществлять научные разработки с учетом различных мотивов человеческого поведения и необходимости объединения усилий

на решение задач сохранения и развития русского народа и всех народов, объединенных с ним общей исторической судьбой – народов Победителей в Великой Отечественной войне. Возможно, именно наша отечественная наука сможет дать ответы на всевозрастающие вызовы и противоречия современности. По крайней мере, основа и традиции для этого у нас есть!

Вот почему мы помним!

И.И. Орлик

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

В истории народов бывают такие эпохальные события, которые не могут, не должны быть преданы забвению. Без знания, без памяти о них теряется жизненность народа, его сила, воля, самосознание, нравственность и, в конечном счете, — вера в собственное будущее и в самосохранение. В этом суть истинного отношения народа к недавнему прошлому России, пережившей в середине XX в. гигантское трагическое потрясение, хотя и ставшее Великой Победой и вошедшее в нашу историю под названием — Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

Все меньше остается участников и свидетелей, да и просто современников тех событий. Все меньше правдивых, отражающих реальность того времени сведений доходит до молодых людей, начавших сознательную жизнь на рубеже нового — XXI в. Правда о войне, память о ней должны побудить их более серьезно задуматься над прошлым страны, над жизненным подвигом их дедов в середине прошлого века.

Об Отечественной войне 1941—1945 гг. написано так много, что, кажется, вряд ли новая публикация (большая или малая) может что-либо добавить к тому, что уже известно.

Увы, это далеко не так. Да, существуют многотомные специальные исследования, где скрупулезно изложены все аспекты крупных сражений и локальных боев, печальных поражений и героических побед Красной Армии, приведены подробные карты и стратегические планы. От мемуаров наших маршалов и генералов ломятся полки многих библиотек!

Однако это все военная история. А что знаем мы о людском, человеческом восприятии войны, об отношении к ней рядового советского гражданина? Как в реальной жизни почувствовали начало войны сотни тысяч людей в западной приграничной полосе? Что ощутили они, оказавшись в одночасье под властью жестокого врага? Как жили миллионы людей на оккупированной территории? Наконец, как после освобождения от фашистской оккупации они прошли фронтовыми дорогами до Победы?

Вот лишь некоторые вопросы, ответы на которые, к сожалению, далеко не полно дают авторы многих толстых книг и других публикаций. Поэт, писатель, военный корреспондент К. Симонов в последние годы жизни совершил подвиг, который по значимости, возможно, так же важен, как и его писательский труд. Он провел беседы и записал на пленку рассказы нескольких десятков (а, может, и сотен) солдат — участников войны. Собран уникальный архив бесценных свидетельств. Но довести дело до его публикации К. Симонов не успел.

Другой поэт-фронтовик, Е. Долматовский, после знакомства лишь с незначительной частью этого архива в 1985 г. напишет: «Как много знал Симонов, как много еще не рассказано о войне...».

Между тем и сейчас, спустя 70 лет после ее окончания, с сожалением приходится повторять эти слова: «Как много еще не рассказано о войне».

Очень многое забыто, а о еще большем даже и неизвестно.

Многие, весьма масштабные и довольно значимые, сражения Отечественной войны так и не освещены в нашей научной литературе. Прежде всего это относится к крупным, героическим сражениям Красной Армии, в ходе которых,

хотя и были сдержаны войска агрессора, но ценой кровавых поражений советских дивизий и даже армий. Увы, об этом не только мало кто помнит, но и даже военные историки не знают в деталях.

Большим и совершенно неоправданным «провалом» нашей памяти остаются трагические обстоятельства жизни людей на огромных территориях, оккупированных врагом. Ведь речь идет о судьбе десятков миллионов людей. Как мало, а подчас и вовсе неизвестно о борьбе подпольщиков-партизан в небольших городах и селах, сколько тысяч имен тех, кто самоотверженно боролся за жизнь и свободу, преданы забвению и стерты в памяти даже их прямых потомков.

Очень важно попытаться донести в XXI в., особенно до молодежи, хотя бы толику сведений о той жизни и той борьбе, которая объединяла многих, нашедших в себе мужество и поднявшихся против оккупантов.

К сожалению, даже накануне юбилея — 70-летия окончания войны — предпринимались попытки принизить роль Советского Союза в разгроме фашизма. Именно поэтому очень важно напомнить факты, действительную ситуацию на фронтах Второй мировой войны.

Со дня нападения Германии на СССР советско-германский фронт по всем показателям не имел себе равных в этой войне. Так, в 1942 г. его протяженность превысила 6 тыс. км, а общие размеры территории, охваченной военными действиями в 1941—1945 гг., составили около 3 млн кв. км. Площадь 12 европейских государств, таких, как Англия, Австрия, Бельгия, Дания, Греция, Германия, Нидерланды, Италия, Норвегия, Франция, Финляндия, Югославия, вместе взятых, была меньше.

На различных этапах войны с обеих сторон на советско-германском фронте находились одновременно от 8 млн до 12,8 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, от 5,7 тыс. до 20 тыс. единиц бронетанковой техники (танков, САУ и штурмовых орудий), от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов. Из 1418 дней Великой Отечественной войны на

активные оборонительные и наступательные действия приходится 93% времени.

На других театрах Второй мировой войны также происходили жестокие сражения, проводились крупные сухопутные и морские операции. Однако именно на советско-германском фронте, который по протяженности в четыре раза превосходил суммарно североафриканский, итальянский и западный фронты, Красная Армия и Военно-Морской Флот разгромили главные силы третьего рейха – 607 дивизий.

Советскими войсками была уничтожена и основная часть военной техники агрессора: до 75% танков и штурмовых орудий, свыше 75% авиации, 74% артиллерийских орудий. Ежедневно противник терял в среднем 55 самолетов, 118 артиллерийских систем, 34 танка и штурмовых орудия. Оценивая эти факты, Д. Рейнолдс, историк из Кембриджского университета, подсчитал, что между июнем 1941 и июнем 1944 гг., т.е. за период от нападения на СССР до англо-американской высадки во Франции, 93% общих военных потерь вермахт понес в боях с Красной Армией.

Победа над фашистской Германией и ее союзниками была достигнута совместными усилиями народов антифашистской коалиции. Однако роль каждого из участников коалиции в завоевании победы была различной. Она определялась в первую очередь их военным, политическим и экономическим вкладом в общее дело. Решающую роль в разгроме основной, ведущей силы фашистского блока – фашистской Германии – сыграл Советский Союз. Провал стратегических и политических планов фашизма после поражений на советско-германском фронте определил окончательный исход войны.

В напряженной борьбе с превосходящими силами противника на огромных пространствах Советские Вооруженные Силы в первый период войны стремились добиться перелома в войне, овладеть стратегической инициативой. Они захватили и упрочили ее к 1943 г. Победы под Москвой в 1941 г., на Волге в 1942–1943 гг. и под Курском в 1943 г. знаменуют важнейшие вехи Второй мировой войны.

В ходе Великой Отечественной войны были разгромлены и уничтожены главные силы не только гитлеровской Германии, но и ее европейских союзников. Именно под ударами Советской Армии одна за другой выходили из войны союзные с Германией страны (Италия, Финляндия, Румыния, Болгария, Венгрия и др.). Это означало решительный и полный подрыв основ фашистского блока и предопределило окончательное поражение Германии и поддерживавших ее сил.

Решающая роль Советского Союза в разгроме германского фашизма признавалась в свое время руководителями правительств Соединенных Штатов и Англии. Президент США в письме Председателю Совета Министров СССР 23 февраля 1943 г. отмечал, что «Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение Соединенных Штатов»¹. Тот факт, что Советский Союз внес огромный вклад в достижение победы, вынужден был неоднократно признавать в годы войны и У. Черчилль.

23 февраля 1945 г. он писал: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»².

Великая Отечественная война носила подлинно всенародный характер. Это подчеркивали не раз те, кто командовал фронтами той войны. Маршал К. Рокоссовский, например, восторженно писал: «Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 57.

2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 310.

того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!

Большая Отечественная война была всенародной. И победа над врагом тоже была победой всенародной. Армия и народ праздновали ее одной дружной семьей. И от этого еще полнее, еще больше было наше солдатское счастье...»³.

Любимец армии и народа маршал Г. Жуков завершает свои воспоминания словами о советском солдате: «Никому не дозволено преуменьшать значение ратного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!

Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его кровью и потом добыта победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины. Советский солдат заслужил памятник на века от благодарного человечества»⁴.

И все же с сожалением приходится признать, что эти чувства к советскому солдату, его подвигу сохраняются все менее отчетливо и нестойко. Отрадным стало торжество по поводу 70-летия Победы. Очень хотелось бы, чтобы юбилей не остался всего лишь всплеском выражения всенародной признательности ветеранам за их подвиг.

Писатель В. Карпов, который прошел многими фронтовыми дорогами Отечественной войны, воздавая должное «и генералам, и солдатам», с грустью говорит: «память человеческая не вечна, потому что люди смертны... И остается для потомков то, что удастся запечатлеть на бумаге. ...». И далее: хочется «чтобы наши дети и внуки, которых еще касается отблеск пламени Великой Отечественной, с благодарностью вспоминали тех, кто, не щадя себя, отстоял их жизнь и счастье»⁵.

3. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1984. С. 365, 366.

4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 730.

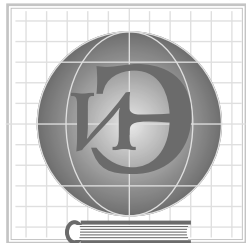
5. Карпов В. Полководец. М., 1988. С. 638

Воспоминания о войне, о трагической судьбе миллионов людей наводят на размышления о мужестве и чести, долге и совести. Знание былого, по историческим критериям не очень далекого, должно воздействовать на взгляды, отношение к жизни ныне живущих, особенно на поведение молодого поколения, вступившего в сознательную жизнь в начале XXI в.

Война известна им в основном из рассказов их дедов и отцов. Однако этих рассказов становится все меньше и меньше, они уходят из памяти, так как и участников войны, помнящих о ней, буквально с каждым днем остается все меньше и меньше. Еще два-три года, скажем, пять лет, и нить памяти оборвется. Оборвется навсегда.

И все же из поколения в поколение должны переходить те подлинно человеческие черты, обязанности и долг, которые проявились в годы Отечественной войны. Память о трагическом и героическом прошлом должна служить народу и сегодня, и в будущем.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

site: www.inecon.ru

Научное издание

ФРОНТОВИКИ — УЧЕНЫЕ. К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Сборник

Ответственный редактор *Орлик И.И.*

Составитель *Соколова Т.В.*

Дизайн серии *Валериус В.Е.*

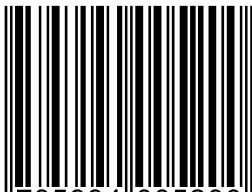
Компьютерная верстка *Куркина М.П.*

Подписано в печать 20.04.2015.

Заказ № 15. Тираж 300 экз. Объем 8,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0520-0

9 785994 005200